

Советская дипломатия на Московской конференции союзной тройки (19–30 октября 1943 г.)

И. Э. Магадеев*

Истоки созыва Московской конференции стоит искать в начале августа 1943 г. В дипломатических отношениях «большой тройки» этот отрезок был отмечен двумя важными событиями:

- решением Лондона и Вашингтона о созыве Квебекской конференции без приглашения на нее СССР с одновременным предложением о последующей конференции глав трех государств (послание британского правительства на имя Сталина от 7 августа);
- отказом Сталина от встречи тет-а-тет с Рузвельтом в Фербенксе (Аляска), предложенной в мае 1943 г. через эмиссара президента Дэвиса.

В посланиях на имя Рузвельта (от 8 августа) и Черчилля (от 9 августа) Сталин указал на невозможность встречи «большой тройки» в данный момент («Верховный» ссылался на свою занятость делами фронта), предложив альтернативный вариант — встречу «ответственных представителей» трех государств¹.

К предложению Сталина в Лондоне отнеслись положительно. Иден, который и ранее, летом 1943 г., предлагал Черчиллю вариант своей миссии в Москву, телеграфировал премьер-министру, уже отплывшему в Канаду: «1. Это (послание от 8 августа. — *И. М.*) лучше, чем я мог надеяться, большое облегчение... 4. Джо (так нередко во внутренней переписке англичане и американцы называли Сталина. — *И. М.*) непостижим»². Определенную роль в положительной реакции британского кабинета сыграло и опасение перед тем, что в общественном мнении начнут обсуждать факт отсутствия в Квебеке представителя СССР. С согласием на предложенную Сталиным встречу стоило поторопиться, как отмечалось на

заседании британского Кабинета министров 11 августа³. Смысл одного из красноречивых заголовков в британской прессе тех дней — «Пустующее кресло в Квебеке» — не надо было объяснять никому.

Конкретный статус «ответственных представителей» пока был не совсем ясен: если в послании Сталина Рузвельту под ним вполне можно было понимать «глав правительств» (в этом смысле само послание являлось своего рода приглашением Рузвельту прилететь в Астрахань или Архангельск), то в послании Черчиллю под «ответственными представителями» явно подразумевались официальные лица более низкого ранга. Тем не менее, в британском Кабинете министров предложенную Сталиным встречу сразу восприняли как «предварительное совещание, которое пройдет по согласованной повестке дня ... имея в виду последующую встречу премьер-министра, президента и премьера Сталина»⁴, что фактически в дальнейшем и произошло. Постепенно ясность была внесена. В совместном послании от 18 августа (получено в Москве на следующий день) Рузвельт и Черчилль отказывались сами приезжать в Астрахань или Архангельск, под встречей «ответственных представителей» стала пониматься конференция «представителей, ведающих иностранными делами».

Еще в начале августа, в посланиях Рузвельту и Черчиллю Сталин выделил два ключевых вопроса, возникавших в связи с предполагаемым созывом конференции: во-первых, место встречи, во-вторых, круг проблем, подлежащих обсуждению, и проекты предложений, которые должны быть приняты на ней. Исключив в качестве места созыва конференции Астрахань или Архангельск, Рузвельт и Черчилль начали обсуждать в Квебеке возможные альтернативы. В телеграмме от 21 августа в Лондон Иден передавал

* **Искандэр Эдуардович Магадеев** — к.и.н., старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России.

суть дискуссии следующим образом: «Президенту не нравится идея встречи в Астрахани или Архангельске, он предложил ряд других мест, таких как Касабланка, Тунис и т.д. Я сказал, что, с моей точки зрения, двумя наилучшими пунктами будут Москва или Лондон ... Президенту не понравилось ни одно из этих предложений, он сказал, что Лондон будет означать для него политические трудности. Позднее вечером, однако, он стал думать, что вариант Москвы в качестве места встречи должен быть рассмотрен подробнее»⁵.

В подобном ключе Рузвельт и написал Сталину 4 сентября, предложив Касабланку, Тунис или Сицилию. Через день Черчилль выступил с собственным предложением о том, чтобы встреча состоялась в Великобритании, но «вне Лондона», имея в виду, по всей видимости, Эдинбург. Сталин ответил союзникам в один день, 8 сентября, собственноручно вписав в подготовленный Молотовым черновик главную фразу: «...Местом встречи предлагаю назначить Москву»⁶. Рузвельт согласился на это через день, Черчилль высказал свое согласие через два. Хотя президент пытался затем «переиграть» место встречи, перенеся его в Великобританию (Рузвельт ссылаясь при этом на здоровье Хэлла, которому «было бы крайне трудно совершить дальний перелет в Москву»), однако Сталин настоял на своем. В итоге, к концу сентября место грядущей встречи (Москва) было окончательно согласовано⁷.

Безусловно, за дискуссиями о выборе места конференции стояли немалые политические «ставки»: тот факт, что Сталин смог «продать» свой вариант, свидетельствовал об усилении дипломатических позиций СССР к этому времени, а также о заинтересованности Вашингтона и Лондона в самой встрече. Ее проведение в Москве создавало достаточно выгодную позицию для советской дипломатии и, что немало важно, позволяло Сталину максимально «плотно» контролировать ход конференции. Напротив, для Черчилля вариант отправки Идена в столицу СССР был связан с определенным риском: не зайдет ли министр иностранных дел слишком далеко? Не «перетянет ли на себя одеяло» по некоторым вопросам внешней политики?⁸ Рузвельт также высказывал свои опасения: он не считал, что совещание в Москве будет конференцией «полномочных представителей» — в случае, если, к примеру, на нем будет поднят вопрос о западных границах СССР, который США не собирались официально обсуждать до окончания войны, то американский представитель должен будет обратиться за инструкциями в Вашингтон. Хотя Иден и Черчилль считали, что это произведет плохое впечатление, Рузвельт настаивал на своем⁹. Таким образом, проведение конференции министров иностранных дел в Москве создавало для Черчилля и Рузвельта определенные сложности для осуществления контроля за внешнеполитическими решениями, напротив, для Сталина это был оптимальный вариант¹⁰.

Не меньшие «ставки» стояли и за вопросом о повестке дня совещания министров. Сталин с самого начала упирал на необходимость «заранее определить круг вопросов, подлежащих обсуждению представителями трех государств, и наметить предложения, которые должны быть приняты на совещании» (послание Рузвельту и Черчиллю от 24 августа). Идея Рузвельта и Черчилля о том, чтобы встреча носила «исследовательский характер», явно не устраивала Москву. Деканозов подозревал, что «совещание министров иностранных дел англо-американцы, конечно, предполагают использовать для прощупывания наших позиций по основным вопросам нашей нынешней и послевоенной внешней политики»¹¹. В Москве были хорошо осведомлены об упреках Форин Офиса и Госдепартамента в том, что «Россия ничего не говорит о своих будущих планах»¹².

В конце августа — первой половине сентября Сталин в переписке с Рузвельтом и Черчиллем продолжал настаивать на том, что конференции следовало бы придать не узко исследовательский, но «практически — подготовительный характер для того, чтобы после этого совещания наши правительства могли принять определенные решения и тем самым можно было бы избежать задержки в принятии решений по неотложным вопросам» (послание от 24 августа). Хотя Рузвельт пытался убедить Сталина в преимуществах непринужденной дискуссии и неформальной повестки дня, глава советского правительства настоял на своем¹³.

Многие из опасений Москвы по поводу предлагаемого «исследовательского» характера конференции были оправданы. Настойчивость Кремля в конкретизации повестки дня конференции и позиций союзников на ней вызывала настороженность в Вашингтоне и Лондоне, которые не спешили открывать свои карты. Как сообщал из столицы США Черчилль, он с Рузвельтом считал «нежелательным» «заблаговременное изложение наших взглядов по всем вопросам», запрашиваемое Москвой¹⁴. На заседаниях Кабинета министров 4–5 октября премьер-министр в аналогичном ключе подчеркивал, что «значение конференции заключается, прежде всего, в возможности выяснить взгляды русских». С его точки зрения, на данной стадии отсутствовала необходимость в том, чтобы сами британцы «окончательно сформировали» свои «мнения по вопросам, влекущим за собой серьезные последствия, которые должны быть решены после войны»¹⁵. Премьер-министр не видел смысла обсуждать на конференции министров иностранных дел вопросы западных границ СССР и второго фронта. Напротив, именно эти вопросы Иден считал ключевыми для советской стороны. Он испытывал некоторое «беспокойство» по поводу грядущей конференции, если не дать Москве «некоторого указания (indication) на наши взгляды» по этим проблемам¹⁶.

Оставалось согласовать и вопрос о сроках начала конференции. Советская сторона стремилась

максимально ясно представлять себе еще, о чем конкретно собираются говорить в Москве американцы и британцы, и, исходя из этого, тщательно проработать собственную позицию. Поэтому с началом совещания торопиться не стоило. Идея Рузвельта о том, что «встреча должна состояться возможно скорее» (послание от 4 сентября), не понравилась Сталину. Используя высказанное ранее предложение Черчилля о «начале октября», он добился согласия Рузвельта с этой датой. В последующем уже сам президент перенес конференцию на 15 октября (послание от 25 сентября)¹⁷.

В целом, к концу сентября в переписке с Рузвельтом и Черчиллем Сталину удалось обеспечить выгодное для СССР место созыва конференции министров иностранных дел (Москву), «надавить» на Вашингтон и Лондон в вопросе предварительной конкретизации некоторых из своих позиций. С 19 сентября проекты Вашингтона и Лондона в отношении перечня вопросов, предлагаемых к обсуждению, и предложений по ним начали поступать в Москву. Британский проект повестки дня, переданный в этот день послом А. К. Керром Молотову, включал в себя широкий круг проблем, которые можно сгруппировать вокруг трех основных тем:

- 1) «принципиальное соглашение в отношении обращения с Германией»;
- 2) цели советской политики в отношении стран Восточной и Центральной Европы, а также Французского комитета Национального Освобождения (ФКНО);
- 3) институционализация трехстороннего взаимодействия СССР, США и Великобритании путем создания «аппарата для рассмотрения вопросов, требующих повседневного и тесного сотрудничества».

Американский проект, переданный поверенным в делах США в СССР М. Гамильтоном 20 сентября, был более лаконичен. В нем яснее, чем в британском, был выделен приоритетный пункт — «Декларация четырех государств» («большая тройка» плюс Китай) по вопросу о всеобщей безопасности, которая была призвана обеспечить продолжение сотрудничества стран антигитлеровской коалиции и после окончания войны. Сразу же прилагался и предварительный проект декларации¹⁸. И Рузвельт, и Хэлл рассматривали принятие декларации в качестве главной цели США на конференции¹⁹.

Помимо нее, в американской повестке дня фигурировали вопросы об обращении с Германией, экономической реконструкции после войны и пункт, озаглавленный «методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов, а также тех, которые могут возникнуть в ходе войны». Если идея, стоявшая за ним, была аналогичной британской — углубление сотрудничества между ведущими государствами антигитлеровской коалиции, то предлагаемый механизм был иным: консультации

в одной из трех столиц между постоянными дипломатическими представителями и соответствующим министром иностранных дел²⁰.

Уже с самого начала непосредственной подготовки Московской конференции Лондон стремился сохранить предыдущее состояние дел в «треугольнике» отношений «большой тройки», пытаясь заранее согласовать свои позиции с Вашингтоном, дабы действовать на самой конференции более или менее единым фронтом. Британский проект повестки дня был отправлен Рузвельту, Форин Офис вносил свои поправки в текст «Декларации четырех государств», согласование точек зрения шло и на уровне представителей в Москве — Керра и Гамильтона²¹.

Получив первое представление о круге вопросов, выносившихся на обсуждение Вашингтоном и Лондоном, советская сторона 29 сентября выступила с собственными предложениями, сразу заявив о своих приоритетах. Первым пунктом значилось: «Рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе». Причем речь шла о принятии США и Великобританией безотлагательных мероприятий, «которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш» еще в 1943 году²². В письме Гамильтону особо оговаривалось, что поскольку речь идет о совещании представителей трех государств, американское предложение о рассмотрении на нем «Декларации четырех» не может быть принято²³.

Москва опасалась сложностей с Японией в случае подписания СССР столь важного документа с участием Китая. Более того, по мнению Деканозова, «в совещании трех министров и особенно в предполагаемой встрече трех глав правительств англо-американцы видят шаг вперед в деле возможного обострения советско-японских отношений»²⁴. О неготовности СССР обсуждать «Декларацию четырех» в Москве Сталин дополнительно написал лично Рузвельту 6 октября²⁵. В тот же день в Москве Молотов напомнил об этом Керру²⁶.

Зарубежными представителями советское предложение (особенно в части, касавшейся проблемы «второго фронта») было воспринято с некоторым недоумением. Керр говорил о том, что оно «может произвести впечатление, что советское правительство стремится создать ситуацию, при которой от плана созыва конференции придется отказаться», хотя, в конце концов, полагал, что это не так. Гамильтон также поначалу хотел заявить официальным представителям СССР о том, что вопрос о втором фронте не входит в компетенцию созываемой конференции, однако, затем согласился с Керром: его можно все же обсудить, учитывая, что после получения твердых гарантий по нему советские представители будут готовы к переговорам и по иным вопросам²⁷.

Британский посол предлагал даже увеличить количество британских военных представителей на конференции, но Иден не пошел на это. В письме

временному поверенному в делах СССР в Великобритании А. А. Соболеву от 1 октября он сослался на послание Черчилля Сталину от 5 сентября, в котором говорилось об отправке в Москву лишь генерал-лейтенанта Г. Исмея, главы секретариата министерства обороны и близкого военного советника Черчилля. В силе при этом оставалось британское предложение об отправке специальной советской миссии в Лондон или Вашингтон (или в обе столицы) в том случае, если Москва хочет детальнее рассмотреть «технические детали вопроса»²⁸. Лондон явно не хотел превращать конференцию министров иностранных дел в полноценную штабную конференцию. Рузвельт придерживался схожей точки зрения, не считая, что «эта конференция должна планировать или рекомендовать военную стратегию»²⁹.

Непосредственная подготовка СССР к конференции в сентябре–октябре 1943 г. потребовала усилий широкого круга ответственных работников НКВД. 8 октября на совещании у Молотова были созданы рабочие группы по каждому из 16 пунктов намечавшейся повестки дня во главе с ответственными работниками наркомата. Сотрудники групп внимательно анализировали поступивший от американцев и британцев список вопросов для обсуждения на конференции, пытаясь выявить цели Вашингтона и Лондона, а также подготавливая предложения по позиции, которую стоит занять СССР³⁰. Среди ключевых исполнителей были не только Литвинов и члены возглавлявшейся им комиссии³¹ (Лозовский, Д. З. Мануильский, Я. З. Суриц, Б. Е. Штейн), но и другие высокопоставленные сотрудники НКВД:

- заместители наркома А. Я. Вышинский, Деканозов, А. Е. Корнейчук;
- начальники различных отделов НКВД (II Европейского — К. В. Новиков, III Европейского — А. А. Смирнов, IV Европейского — В. А. Зорин, Средневосточного — С. И. Кавтарадзе) и другие сотрудники³².

Помимо этого, комиссия Ворошилова продолжала работать над анализом и поправками к британскому меморандуму «Предлагаемые принципы, которыми следует руководствоваться при прекращении военных действий с европейскими странами — членами оси» (датирован 1 июля 1943 г., вручен Иденом Майскому 2 июля). К этому важному документу, судя по многочисленным проектам ответа на него, относились с повышенным вниманием³³.

Ряд документов начала октября, ложившихся на стол Молотову, свидетельствовал о том, что настрой ответственных сотрудников НКВД в отношении грядущей конференции был весьма пессимистичным. В записке Деканозова от 3 октября указывалось, что конференция, инициатива созыва которой приписывалась англо-американцам, имеет целью «отвлечь наше внимание и внимание мировой общественности (в том числе общественного мнения Англии и Америки) от острого вопроса об открытии второго фронта

в Европе, выиграть время и сманеврировать, чтобы тем самым конец 1943 г. ушел на это совещание: сперва трех министров иностранных дел, а затем на встречу трех глав правительств».

Ожидая дальнейшей конкретизации позиций США и Великобритании, Деканозов, по всей видимости, не исключал и отмену конференции³⁴. В записке, поступившей 10 октября от другого заместителя Молотова, Корнейчука, предлагалось дать первый пункт повестки дня конференции в той же формулировке, что и в письме наркома от 29 сентября («безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г. ...»). Корнейчук хорошо осознавал последствия этого шага: «Так как в результате обсуждения этого вопроса на совещании английские и американские представители, очевидно, не согласятся на какие-либо обязательства в духе нашего предложения, то, подводя итог этому обсуждению, сделать заявление...». Текст этого заявления, содержащий информацию о ранее невыполненных обязательствах США и Великобритании по открытию второго фронта, завершался словами о том, что «Советское Правительство не может не выразить своего неудовлетворения»³⁵.

Предполагаемый текст заявления был близок по содержанию посланию Сталина Черчиллю от 24 июня, вызвавшего в свое время крайне болезненную реакцию в Лондоне³⁶. О намерении советской стороны не торопиться с жестами, которые могут быть истолкованы как полная вера в успех конференции, свидетельствует и изменение плана протокольных встреч. Если изначально предполагалось, что уже в день прилета Хэлл и Иден будут приняты Сталиным в присутствии Молотова (либо сначала Молотовым, а затем Сталиным в присутствии Молотова), то в конечном проекте осталась лишь встреча с наркомом³⁷.

Сам Молотов 12 октября, в ответ на «большие ожидания», которые возлагал на конференцию Керр, указал послу на «сложные проблемы», стоявшие перед министрами иностранных дел и призвал всех работать «как стахановцы»³⁸. Информация, поступающая по каналам разведки — «британская делегация не будет пытаться прийти к определенным соглашениям, но вполне возможно, что удастся заключить временное соглашение по ряду вопросов, касающихся сотрудничества трех держав во время и после войны»³⁹, также не склоняла к излишнему оптимизму.

О том, что точка зрения о высоком уровне конфликтности отношений между СССР и западными державами разделялась рядом ответственных сотрудников НКВД, говорит также недатированный, но относящийся к октябрю 1943 г., документ, поступивший в секретариат Молотова от члена советской делегации на конференции Саксина. Посвященный разногласиями и отсутствию договоренностей между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США, с другой (отдельно рассматривались и противоречия с каждой из стран), он содержал внушительные

19 пунктов, охватывавшие вопросы от второго фронта до «визового вопроса» и ситуации с интернированием американских самолетов на Дальнем Востоке⁴⁰.

По ряду аспектов Литвинов был настроен оптимистичнее, чем другие заместители Молотова. 6 октября, анализируя пункт американской повестки дня о создании механизма консультации в одной из трех столиц между постоянными дипломатическими представителями и соответствующим министром иностранных дел, Литвинов видел в нем в некотором смысле продолжение собственных идей июня 1943 г. Его реакция на предложение была положительной: оно представлялось ему «приемлемым и выгодным для нас» как средство разоблачения англо-американского «сговора». Более того, Литвинов предлагал включить в компетенцию того, что виделось ему как «союзная комиссия», военные вопросы, а также настаивать на ее расположении в Москве.

На грядущую конференцию Литвинов смотрел с некоторым оптимизмом: «Созываемая ныне Московская конференция, а также создание алжирской комиссии (Военно-политической комиссии по вопросам перемирия с Италией. — *И. М.*) в значительной мере смягчили или смягчат проблему постоянного контакта с союзниками»⁴¹. Продолжая проработку конкретных вопросов грядущей конференции, Литвинов 15 октября не исключал того, что в повестке дня «можно было бы выдвинуть на первый план вопросы, по которым ожидается общее соглашение для того, чтобы создать в самом начале благоприятную атмосферу... (подчеркнуто в подлиннике. — *И. М.*)». Вместе с тем, и он вынужден был констатировать, что «у нас нет еще пока данных о возможности соглашения по тем или иным вопросам»⁴².

Недовольство вызывало и затягивание англичан и американцев с предоставлением конкретных предложений по пунктам повестки: «В ходе конференции может оказаться, что нам предлагают совсем не то, что мы обсуждали, или могут быть выдвинуты новые предложения, нами не предусмотренные», — предупреждал Литвинов⁴³. В этой связи он предлагал при необходимости прибегать к выжидательной тактике, прерывая обсуждение некоторых вопросов для того, чтобы «обдумать внесенные предложения» и позднее вернуться к ним.

Активно прорабатывался вопрос повестки дня. Британский проект, состоявший из 13 основных пунктов (сообщен 19 сентября), по всей видимости, рассматривался в НКВД скептически. Представленный Литвиновым 15 октября Молотову советский проект повестки состоял из 8 пунктов [во главе с вопросами «Сокращение сроков войны», «Политико-военная комиссия в Алжире», «О соглашениях между главными и малыми союзниками (вопрос о советско-чехословацком договоре)»], исходя из тех вопросов, по которым от США и Великобритании поступили предложения. Но даже такой вариант рассматривался как невыгодный для советской делегации⁴⁴. Настрой

на сокращение обсуждаемых на конференции сохранился и в последующем⁴⁵. Тем не менее, готовиться необходимо было к максимально широкой повестке. Итоговый список вопросов, ожидавшихся Молотовым для обсуждения на конференции, включал в себя 17 пунктов⁴⁶. Сама масштабность повестки дня была характерной чертой Московской конференции и представляла собой дополнительную сложность для всех участвовавших в ней делегаций.

Итоговое решение по советской позиции в отношении конференции, как и в других важных вопросах, оставалось за Сталиным. Учитывая, что вопрос о созыве конференции был согласован им с Рузвельтом и Черчиллем, вряд ли Сталин был готов вовсе отказаться от конференции, чего не исключал Деканозов. 14 октября решением Политбюро был одобрен состав советской делегации⁴⁷. В тот же день была образована «тройка» в составе Вышинского, Деканозова и Литвинова для подготовки итогового документа, суммировавшего советскую точку зрения на предстоящей конференции. Этот документ был представлен Сталину 18 октября в присутствии Молотова, «тройки», а также членов Политбюро⁴⁸.

Он состоял из 16 пунктов и резюмировал выводы и предложения, сформулированные ранее рабочими группами по каждому из вопросов. Обращает на себя внимание отсутствие подготовленных материалов по вопросу «Декларация 4-х стран». Учитывая вышеприведенные опасения НКВД подписывать подобный документ с участием Китая, этот факт вполне объясним. Показательно и то, что не было подготовлено материалов и по некоторым другим вопросам, которые, очевидно, Москва не слишком хотела обсуждать на конференции: «Будущее Польши» и «Совместная политика в Иране». Нельзя не отметить и растущее внимание к ситуации на Балканах: «Представляется желательным при обмене мнениями на предстоящей Конференции внести больше ясности в вопрос о форме и характере будущей власти на освобожденных территориях Греции и Югославии (подчеркнуто в оригинале. — *И. М.*)». Судя по объему справки «О позиции США и Англии во французском вопросе» (на 45 страницах), англо-американским противоречиям в отношении ФКНО придавали немалое значение. Хотя были и предложения рабочих групп, которые остались забракованными — записка Новикова и Смирнова по вопросу «Мирные пробные шары со стороны вражеских государств (Венгрия, Румыния)»⁴⁹ — ценные идеи и замечания, сформулированные сотрудниками НКВД, будут активно использованы советской делегацией в ходе самой конференции⁵⁰. Обсуждение документа продолжалось в кабинете Сталина 2 часа (после ухода сотрудников НКВД Сталин ненадолго задержался, совещаясь с членами Политбюро). Хотя подробности неизвестны, о результатах этого совещания, отражавшего значение «сталинского фактора», можно будет судить по позиции, заня-

той Молотовым днем позже, на первом заседании Московской конференции.

Как можно заметить, ранее согласованная в переписке Сталина и Рузвельта дата начала конференции — 15 октября — была отодвинута на более поздний срок. Иден, который спешил приехать в Москву еще в начале октября⁵¹, решил в итоге подстроить дату своего приезда под Хэлла. Как сообщал Керр Молотову 6 октября, «г-ну Идену известно, что не рассчитывают, что г-н Хэлл прибудет в Москву раньше 17 октября, и поэтому он предполагает прибыть сюда в тот же день»⁵².

В целом, подготовка Вашингтона и Лондона к конференции завершилась раньше, чем в Москве. Объяснялось это не только необходимостью достаточно длительного путешествия Хэлла и Идена в Москву, но и тем, что многие вопросы уже достаточно давно обсуждались США и Великобританией (в том числе в ходе двусторонних конференций и визитов). Хэлл получил последние наставления от Рузвельта 5–6 октября⁵³ (его вылет из Вашингтона в направлении Пуэрто-Рико для последующей посадки на корабль состоялся 7 октября), британский Кабинет одобрил большинство меморандумов Идена к грядущей конференции 5 и 8 октября⁵⁴. Открытым оставался, однако, вопрос о согласовании англо-американских позиций. Попытки Идена встретиться с Хэллом в Каире по пути в Москву не увенчались успехом — государственный секретарь, как и президент не хотели давать поводов для подозрений со стороны СССР⁵⁵.

Настроения Хэлла и Идена перед конференцией были схожи с пессимистичным настроением НКВД. У Хэлла, по словам его собственных мемуаров, «резкое» разочарование вызывала позиция СССР в отношении «Декларации четырех», подписание которой на конференции было особенно важным для государственного секретаря; по словам исследователей, он чувствовал, что перед ним стоят «серьезные препятствия»⁵⁶. Отнюдь не ободряющими были и напутствия Черчилля Идену: «Я очень соперничаю Вам в связи с этой безрадостной (bleak) конференцией, и хотел бы быть с Вами»⁵⁷. Получая сигналы о твердой позиции Москвы, англо-американцы готовились к жесткому торгу. «Мы тоже будем упрямы», — телеграфировал Иден Керру 13 октября⁵⁸.

Проведение такого ответственного мероприятия, как Московская конференция, помимо серьезной дипломатической работы, требовало от НКВД внимания даже к, казалось бы, простым бытовым деталям, которые могли, однако, иметь свои негативные последствия. По итогам конференции Саксин писал: «Подобная Конференция 3-х великих держав в Москве происходила впервые и аппарат НКВД, готовивший материалы и обслуживавший Конференцию, в противоположность, например Государственному департаменту, у которого имеются в специальном Отделе международных конференций

опытные специалисты по подготовке и проведению подобных конференций, не имел практического опыта и организационных навыков в этом деле»⁵⁹.

Данный вопрос не получал подробного освещения в историографии, а вместе с тем был весьма немаловажным — от организационной подготовки конференции зависела слаженность ее работы; просчеты на этом направлении, учитывая настрой многих участников конференции, а также сложность повестки дня, могли послужить дополнительным «раздражителем», негативно сказаться на восприятии профессионализма советской дипломатии западными партнерами. Более того, анализ этого вопроса раскрывает некоторые аспекты «повседневной» дипломатии, говорит о некоторых аспектах бытовой жизни в военной Москве.

Несмотря на то, что фронт, в отличие от времен визита Идена в декабре 1941 г., проходил уже далеко от столицы СССР, дефицит и сложности военного времени давали о себе знать. Британское посольство во главе Керром, не желая ударить «в грязь лицом» перед высоким начальством на Московской конференции, буквально «забрасывало» соответствующие советские органы (прежде всего, Бюро по обслуживанию иностранцев во главе с П. Т. Гришиным) просьбами ускорить доставку в посольство нефти и дров, продуктов, вина, а также о выделении «двух официантов, одной судомойки, некоторого количества столового и постельного белья»⁶⁰. Последние пункты запросов могли показаться излишеством на фоне того, что сложности были и с более насущными вещами. Советник британского посольства Дж. Бальфур даже 19 октября, в день официального открытия конференции, подчеркивал, что «нехватка дров является, в частности, острой и срочной проблемой, так как от ее немедленного разрешения зависят удобства пребывающей здесь делегации»⁶¹.

Большое внимание уделялось и продовольственному обеспечению: 12 октября представитель посольства запрашивал в НКВД «разрешения приобрести на одной из птицеферм 6 свежих индеек и 500 штук яиц, так как в магазине эти вещи не всегда первой свежести»⁶². К приезду Идена Керр хотел даже успеть подремонтировать здание посольства, разрываясь, однако, между стремлением соблюсти секретность и не разглашать факт визита министра иностранных дел и необходимостью убедить Бюро по обслуживанию иностранцев в срочности запроса. 14 сентября британский посол сетовал Вышинскому на то, что не может сказать Гришину причины, «по которым я вынужден пытаться заставить его департамент скакать галопом»⁶³.

Особую тщательность необходимо было проявить в связи с приездом не отличавшегося сильным здоровьем 73-летнего Хэлла⁶⁴. Требовалось не только подготовить специальную диету (на что специально указывал Литвинов) или обязать находиться «дежурного врача из Лечсанупра Кремля» во время

конференции⁶⁵, но и позаботиться о многих других вещах. Одна из них — подготовка специального приспособления для максимально удобного выхода Хэлла из самолета. 13 октября глава Американского отдела НКВД Г. Н. Зарубин писал начальнику Главного управления Гражданского воздушного флота генерал-полковнику Ф. А. Астахову: «Посольство США просит учесть, что выход из самолета главы американской делегации находится на уровне 2,75 метра над землей. Прошу учесть это, приготовив соответствующие приспособления для выхода из самолета»⁶⁶.

Подготовка к конференции требовала и взаимодействия НКВД с другими советскими органами. С руководством ВВС согласовывался маршрут самолетов с членами делегаций (при их перелете из Тегерана в Москву), вопрос о прикрытии их с воздуха, выделении радистов и штурманов, которые бы помогли во время полета (британцы возражали против этого)⁶⁷. На случай воздушных тревог для состава делегаций выделялось бомбоубежище на станции метро «Кировские ворота» (ныне — «Чистые пруды») ⁶⁸. От НКГБ в соответствии со сложившейся практикой запрашивалась информация о членах иностранных делегаций, причем, отправляя подобный запрос наркому В. М. Меркулову 7 октября, Вышинский просил сделать это срочно⁶⁹.

Прилет американской делегации во главе с Хэллом (с ним также летели новый посол США в СССР Гарриман и глава создаваемой военной миссии США в Москве генерал-майор Дж. Дин⁷⁰), намеченный сначала на 15 октября, затем несколько раз откладывался. Иден подстраивал дату своего прибытия в Москву под Хэлла. В итоге обе делегации прилетели 18 октября. В тот же день, как и было предусмотрено советской стороной, состоялась их встреча с Молотовым: были обсуждены вопросы предоставления информации прессе, время первого официального заседания конференции, состав лиц, которые будут на них присутствовать⁷¹.

19 октября заседания конференции официально начались. Уже в самой обстановке ее проведения многое должно было подчеркнуть укрепление позиций Советского Союза: и пышный особняк НКВД на Спиридоньевской улице, в котором проводились заседания, и новая парадная форма советских дипломатов⁷², и не прошедшее мимо внимания иностранных дипломатов присуждение Молотову 1 октября звания Героя Социалистического Труда⁷³. И вовсе не случайным было и то, что на первом заседании председателем конференции, «по настоянию Хэлла и Идена»⁷⁴, был избран Молотов. Это в определенной степени повышало его ответственность за положительный исход встречи.

Первый пункт для обсуждения — о «правомочности» конференции — был отнюдь не формальным, а имел для советской делегации принципиальное значение. НКВД, опасавшийся выхолащивания практического содержания конференции, прида-

вал ему большое значение. В одной из разработок в период подготовки конференции вопрос ставился достаточно жестко: «Если выяснится, что совещание носит только информационный характер, — не разворачивать обсуждения вопросов совещания»⁷⁵. Молотов предложил выделить три группы вопросов (по первым конференция могла принимать решения, вторые — передавала на рассмотрение глав правительств, по третьим — лишь обменивалась информацией). Хэлл, связанный нежеланием Рузвельта передавать Московской конференции слишком большие полномочия, несколько сопротивлялся, но в итоге согласился с разделением, предложенным Молотовым и поддержанным Иденом. Такой исход был воспринят советской стороной положительно. «Это предложение, — отмечалось в служебном отчете НКВД о работе конференции, подготовленном Саксиним, — с самого начала направило работу конференции на деловые рельсы и тем предопределило ее значительные результаты»⁷⁶.

Далее три министра согласовали повестку дня. Большим облегчением для Хэлла стали слова Молотова о готовности советской стороны включить в нее вопрос о «Декларации четырех». По всей видимости, советская делегация пошла на этот шаг, стремясь выявить детали американского предложения, а также создать благоприятную атмосферу уже на начальном этапе конференции. Хотя в повестке дня, предложенной Литвиновым Молотову 15 октября, пункт о «Декларации четырех» отсутствовал, в итоговом списке вопросов, предложенным Молотовым Сталину 18 октября, возможность включения вопроса под названием «Декларация трех наций по вопросу всеобщей безопасности» предусматривалась «на случай, если американцы предложат дать свой проект „Декларации Четырех“ от имени трех наций»⁷⁷. Такое решение, есть все основания предполагать, было санкционировано Сталиным. По всей видимости, он решил не отвергать этот важный для американцев пункт повестки дня, уже строя планы на дальнейшее вступление СССР в войну с Японией.

При обсуждении повестки дня Молотов добился того, что главный для советской делегации вопрос — мероприятия по сокращению сроков войны — стоял первым. 19 октября нарком представил предложения СССР по данному вопросу. В данном виде советское требование о «втором фронте» звучало мягче, нежели в телеграммах Молотова от 29 сентября и предложениях Корнейчука от 4 октября. Основной акцент сместился с «безотлагательных мероприятий» еще в 1943 г. (что могло восприниматься как требование открыть «второй фронт» уже в 1943 г.) на стремление советского правительства выяснить, остается ли в силе ранее данное Черчиллем и Рузвельтом заявление о вторжении в Северную Францию весной 1944 г. Вкупе с вышеприведенной уступкой по включению в повестку дня «Декларации четырех», подобный шаг наводит на мысль о смягчающем влиянии, которое

Сталин оказал на позицию НКВД во время встречи 18 октября. По всей видимости, он был готов на данном этапе пойти дальше в деле сближения с союзниками, модифицировав позицию СССР по ряду немаловажных вопросов.

В целях сокращения сроков войны советская делегация также предлагала сделать предложение от имени трех держав двум нейтральным государствам — Турции и Швеции: первой — о немедленном вступлении в войну, второй — о предоставлении авиационных баз для борьбы против Германии⁷⁸. Смягчение советской позиции по второму фронту было по достоинству оценено союзниками. Уже 20 октября Иден сообщал в Лондон, что «мы очутились в неожиданно спокойных водах ... нет никаких обвинений насчет недавнего прошлого»⁷⁹.

Для ответа на главный вопрос советской делегации — подтверждение открытия второго фронта — на заседание 20 октября (проходило в узком составе ввиду секретности обсуждавшихся вопросов) были приглашены британские и американский военные представители: генералы Исмей и Дин соответственно. В своих выступлениях они предоставили своего рода резюме решений, принятых на Вашингтонской и Квебекской конференциях 1943 г., подчеркнув нарастающий объем воздушных бомбардировок и усиление ВВС США и Великобритании — важнейшее условие успешной высадки на континенте. Они также предоставили достаточно подробную информацию о количестве дивизий, которое планировалось задействовать в операции «Оверлорд», необходимых десантных судах и численности авиационных частей и соединений. Все это должно было убедить советскую делегацию в серьезности намерений США и Великобритании, а также продемонстрировать открытость и доверие, с которыми они были готовы обсуждать данные вопросы.

Однако, как минимум, два пункта могли насторожить представителей СССР. Первый из них был таков: для проведения «Оверлорда» ставились некоторые условия, в том числе наличие не более 12 германских моторизованных дивизий на территории Франции, Бельгии и Нидерландов к моменту вторжения, а также невозможность для Германии перебросить с других фронтов «более чем 15 перво-классных дивизий в течение первых двух месяцев операции». Примечательно, что Черчилль готов был считать и эти условия слишком «мягкими»: «...Максимальное сосредоточение германских сил, которое американцы и мы сможем преодолеть — 8 дивизий на четвертый день после высадки», — писал он Идену 18 октября⁸⁰.

В связи с этим неслучайно, что на заседании 28 октября маршал Ворошилов поставил вопрос о том, что существует ли определенный диапазон в приведенных условиях: «... Что будет, если немцы смогут перебросить больше дивизий, например 16 или 17? Послужит ли это поводом для отмены или

затяжки операции?» Не менее справедливым был вопрос Ворошилова и о способах, которым будет определено количество германских моторизованных дивизий к моменту вторжения. Исмей сослался на «хорошую разведку», надеясь, возможно на не раз помогавшее британцам мероприятия по взламыванию германских шифров (операция «Ультра»). Тем не менее, как покажут, дальнейшие события, определенные сомнения Ворошилова были оправданы⁸¹.

Второй пункт в докладах Исмея и Дина, который таил в себе новые противоречия, заключался в том, что «масштаб первоначального наступления, — по словам Исмея, — в значительной степени обуславливается тоннажем и количеством специальных десантных средств, которые будут иметься к тому времени в нашем распоряжении». Речь шла не только о постройке новых десантных средств, но и о передислоцировании уже имевшихся, а это неизбежно ставило вопрос о приоритетах союзнической стратегии ведения войны.

Еще один вопрос, связанный с проблемой второго фронта и обсуждавшийся на конференции, касался обмена военной информацией. Как говорил Иден на заседании 28 октября, в связи с готовящимися операциями на континенте британским и американским военным было бы «очень полезным иметь как можно большую информацию о тех успехах, которые имеют советские войска в борьбе против германской армии». В Лондоне также особенно интересовались сведениями советских войск относительно германской разведки⁸². В Москве Иден предложил достигнуть трехсторонней договоренности об обмене военными сведениями, касающимися германских вооруженных сил, а также «боевого качества соединений противника и применяемой тактики»⁸³. Хотя Молотов отреагировал на предложение Идена положительно, переговоры по заключению договора застопорились. В итоге к концу 1943 г. договор так и не был подписан⁸⁴.

Тем не менее, англо-американский ответ на вопрос о создании второго фронта к весне 1944 г., как отмечалось в телеграмме советским послам по итогам конференции, был «в общем и целом удовлетворителен»⁸⁵. Молотов получил заверение в том, что ранее принятое решение о сроках «Оверлорда» остается в силе, хотя союзники сознательно избегали называть даже ориентировочную дату начала операции. Особое усердие в затуманивании этого вопроса проявлял Иден, следуя указаниям Черчилля. 26 октября — накануне второй встречи Идена со Сталиным — премьер-министр прислал главе Форин Офис телеграмму командующего союзными силами в Италии генерала Д. Эйзенхауэра с описанием осложнений в ходе итальянской кампании британского командующего генерала Г. Александера. Черчилль приказал прочесть эту телеграмму Сталину с тем, чтобы осторожно намекнуть тому на возможность отсрочки начала операции «Оверлорд» ради успешного завершения

военных действий в Италии. В следующей телеграмме Идену он расшифровал сугубо для его сведения, что эта «небольшая отсрочка» может продлиться до июля 1944 года⁸⁶.

Советский лидер прекрасно понял подлинный смысл демарша Черчилля, спросив Идена «прямо в лоб» (как телеграфировал сам Иден об этой беседе) «означает ли это сообщение отсрочку «Оверлорда» и как долго она может продлиться — месяц или два? Иден ушел от прямого ответа, на что Сталин с усмешкой заметил: «... Премьер-министр хочет, чтобы ему доставались более легкие дела, а нам, русским, — более трудные. Это можно было сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать все время»⁸⁷.

Доклады Исмея и Дина были переданы советской стороне в письменном виде и составили Приложения №1 и 2 к особо секретному протоколу по итогам конференции⁸⁸. Текст объединенного коммюнике также был призван подчеркнуть как для общественности, так и для противника значимость военной части переговоров. Здесь подчеркивалось, что на конференции состоялись «исчерпывающие и искренние дискуссии»⁸⁹. Как следует из документов секретариата Вышинского, входившего в состав редакционной комиссии конференции от СССР, подобную формулировку предложили западные союзники⁹⁰. Сам Вышинский не хотел чрезмерно утешать смысл достигнутых договоренностей. Во фразе из советского проекта решения по первому вопросу повестки дня — «Советское Правительство с удовлетворением приняло к сведению...» — он вычеркнул слова «с удовлетворением»⁹¹.

Обсуждение двух других советских предложений по сокращению сроков войны (по Турции и Швеции) проходило по несколько иному сценарию. Главными действующими лицами были Молотов и Иден. Хэлл, апеллируя к невозможности обсуждать военные вопросы без консультации со своим правительством, занимал либо выжидательную позицию, либо уклончиво-отрицательную.

О резонах СССР при формулировании предложения о давлении на Турцию, чтобы она вступила в войну, можно судить по телеграммам посла в Анкаре С. А. Виноградова. В июле, в частности, он писал Молотову: «В связи с изменившейся международной обстановкой... нейтральная Турция превратилась в неблагоприятный фактор, ибо Турция стала барьером, препятствующим союзникам перенести военные действия на Балканы». Схожую мысль уже в октябре 1943 г. Идену высказал Сталин: «В настоящее же время турецкий нейтралитет, который был в свое время полезен союзникам, полезен Гитлеру, ибо он прикрывает его фланг на Балканах»⁹². В июле 1943 г. Виноградов предлагал организовать одновременное давление СССР, Англии и США на Анкару с целью использовать турецкую территорию в качестве плацдарма для кампании союзников на Балканах. «А если Турция откажет, то отказ не был бы „бесполезен“ для нас,

так как увеличил бы счет наших претензий к Турции, который мы в свое время сможем ей предъявить»⁹³. Тем самым советское предложение по Турции представлялось почти «беспроегрешным». В случае его принятия можно было оттянуть силы Германии на Балканы, в случае отклонения — ослабить позиции Турции в глазах Лондона и Вашингтона, что могло затем благоприятно сказаться при решении вопроса о проливах⁹⁴.

В период подготовки к конференции советская позиция стала еще более жесткой. Идеи получения военно-воздушных баз на территории Турции или открытие ею проливов для союзников (при закрытии — для стран «оси») ассоциировались с британскими планами, не вызывавшими полной поддержки. В проекте документа для советской делегации под названием «Совместная политика в отношении Турции» указывалось: «Маловероятно, чтобы англичане и американцы поставили вопрос об оказании давления на Турцию с целью включения ее в войну. Если, однако, этот вопрос будет поставлен, то возражать против него не следует. Но необходимо подчеркнуть, что речь может идти лишь о немедленном вступлении Турции в войну, так как запоздалое вступление Турции в войну может лишить этот акт должного значения для союзников»⁹⁵.

Не исключали в НКВД и тактику прямого давления на Турцию: если обращение трех держав с предложением вступить в войну не возымеет действия, подразумевалась возможность «прекратить снабжение Турции оружием». Последний пункт, однако, был затем вычеркнут Вышинским, хотя подобное развитие событий, как можно предположить, не исключалось⁹⁶. О серьезности НКВД в стремлении обеспечить вступление Турции в войну на данном этапе говорила готовность подписать при подобном условии договор, обеспечивавший бы «неприкосновенность турецкой территории и прав Турции»⁹⁷. Определенную роль в выдвигении «турецкого вопроса» могли сыграть и тактические причины: поскольку американцы и британцы не могли предложить конкретных мероприятий по созданию второго фронта уже в 1943 г., то можно было ожидать их уступок по менее «значимым» проблемам.

Приоритеты Великобритании были иными: Лондон, в первую очередь, был заинтересован в получении от Анкары авиабаз в Юго-Западной Анатолии для борьбы с немцами за Додеканезские острова (4 октября британцами был потерян важный остров Кос), считая, что со вступлением Турции в войну можно подождать⁹⁸. В Вашингтоне на ситуацию смотрели несколько иначе. Рузвельт писал Хэллу о том, что «в настоящий момент мы не считаем целесообразным подталкивать Турцию к вступлению в войну», так как она потребует взамен большое количество военных материалов, что может негативно сказаться на операциях в Италии и готовящемся вторжении во Францию. Государственный секретарь довел эту

позицию до советской стороны в меморандуме от 28 октября⁹⁹.

В конечном счете, Молотов счел возможным пойти на компромиссное решение по турецкому вопросу. Во время встречи 1 ноября, уже после официального закрытия Московской конференции, Иден, подчеркнув значение турецких авиабаз для операций британских сил, предложил вариант, который и вошел в «Протокол о Турции», подписанный СССР и Великобританией в тот же день. В нем говорилось о необходимости сделать Турции совместное предложение о вступлении в войну до конца 1943 г., немедленные же действия — попросить у Анкары «предоставления возможностей на турецких авиабазах в распоряжение союзных сил и обеспечения тех других возможностей, которые могут быть признаны желательными двумя правительствами». Благодаря настойчивости Гарримана¹⁰⁰ и нежеланию Вашингтона отдаляться от союзников, США несколько изменили свою позицию — 10 ноября они также присоединились к «Протоколу о Турции».

Если к обсуждению турецкого вопроса на Московской конференции, по крайней мере, британцы были готовы, то предложения СССР по Швеции вызвали удивление: «...эта мысль была для меня новой», — признавался Иден на заседании 20 октября. За идеей советской стороны надавить на Стокгольм в целях получения авиационных баз стояло несколько соображений.

Отношение Москвы к шведской политике, особенно в отношении транзитных перевозок военных грузов в Финляндию, было негативным. В начале сентября 1943 г. Лозовский причислял Швецию (наряду с Испанией, Португалией, Швейцарией, «не говоря уже о Турции») «к так называемым нейтральным странам, которые по сути помогали немцам»¹⁰¹. Во время беседы со шведским посланником В. Ассарсоном 18 сентября Молотов указал на то, что перевозки военных материалов, необходимых для войны против СССР, в Германию и Финляндию по железным дорогам Швеции (как и транзит через ее территориальные воды) продолжают¹⁰². Сталин говорил о том же Идену: «Швеция помогала Германии и сейчас помогает»¹⁰³. Весьма подробный список нарушений Швецией своего нейтралитета был подготовлен для НКВД Первым управлением НКГБ в ноябре 1943 года¹⁰⁴.

Надавить Швецию с целью большего соблюдения ей нейтралитета — таковой, как представляется, и была основная цель Москвы¹⁰⁵. Соответствующее предложение, сформулированное в период подготовки к конференции, в изначальной редакции гласило: «Предъявить Швеции от имени трех держав требование о предоставлении союзникам авиационных баз для борьбы против Германии, заявив ей, что в случае ее несогласия будут отменены льготы по пропуску судов в Швецию». Хотя затем оно было отредактировано Вышинским в сторону смягчения (вместо «предъявить требование» — «сделать пред-

ложение», снята последняя часть с угрозой отменить льготы), первоначальная редакция яснее передает суть советской позиции. Вместе с тем, как и в случае с Турцией, НКВД был готов подписать соглашение о неприкосновенности шведской территории¹⁰⁶.

Хотя Молотов, выдвигая предложение по получению от Швеции авиабаз, апеллировал к недавнему опыту британцев¹⁰⁷ (8 октября войска Великобритании получили военные базы на Азорских островах), скорее подобный шаг был элементом дипломатического маневрирования. Ожидаемый отказ Швеции мог быть затем использован как повод для того, чтобы выдвинуть требования по более строгому соблюдению нейтралитета. Показательно, что по результатам Московской конференции в Форин-Офисе сделали вывод, что сам СССР не собирался пользоваться базами на территории Швеции¹⁰⁸.

В ответ на советские предложения по Швеции, Иден поставил вопрос не только о помощи, которую Стокгольм может запросить в обмен на авиационные базы, но и отметил: «Мнение Швеции до некоторой степени имеет отношение к тому, что думает Советское правительство о Финляндии». Действительно, цели СССР в отношении Финляндии вызывали обеспокоенность за рубежом, причем не только в Стокгольме, но и в Вашингтоне¹⁰⁹. Хотя до начала конференции в НКВД был подготовлен документ, суммировавший советскую позицию по Финляндии — одному из «наиболее активных сателлитов гитлеровской Германии» (акцент на требовании безоговорочной капитуляции, необходимость обращения Финляндии непосредственно к СССР, интернирование германских войск на финской территории)¹¹⁰, Молотов, не собиравшийся начинать дискуссию еще и по финскому вопросу, отказался связывать проблему шведских баз и Финляндии. В НКВД считали, что США и Великобритания излишне мягко относятся к Финляндии и не принимают во внимание характер и масштабы ее участия в войне на стороне Германии. Согласно оценке Лозовского от 12 октября, отказ финского правительства от капитуляции и вовсе «объясняется не столько боязнью германских войск, сколько поощрением, исходящим из Англии и США»¹¹¹. В итоге конкретных решений по данному советскому предложению принято не было — три державы согласились лишь продолжить «изучение вопроса».

Второй вопрос повестки дня — «Декларация четырех держав» — вызвал на конференции достаточно серьезные дискуссии. Хэлл, обрадованный готовностью Молотова обсуждать данный вопрос в Москве, 21 октября представил новый вариант декларации (за день до этого он был втайне передан и китайскому послу, который переправил его копию в Чунцин)¹¹². В новый вариант, в частности, был добавлен пункт о том, что декларация не затрагивает отношений государств, подписавших ее, с державами, с которыми те «не находятся в состоянии войны»¹¹³ — явное

стремление успокоить СССР по поводу возможного обострения отношений с Японией. Для достижения этой же цели Хэлл согласился на удаление из текста Декларации пункта о технической комиссии, которая должна была координировать действия четырех держав «в случае возникновения угрозы миру».

Тем не менее, Молотов продолжал сомневаться, убеждая Хэлла на заседании 21 октября, что лучше подписать на конференции Декларацию трех держав, к которой Китай мог бы присоединиться позднее. Хотя государственный секретарь подчеркивал «психологическую важность» участия Китая в декларации, говорил о рисках «непонимания в остальном мире», дело было не только в психологии.

Вашингтон заранее ожидал трудностей с включением Китая в «Декларацию четырех». Рузвельт, инструктируя Хэлла перед отправлением на конференцию, говорил о необходимости «приложить все усилия для обеспечения согласия британцев и русских на участие Китая в соглашении. И те и другие могут создать трудности»¹¹⁴. Для Рузвельта фактор Китая имел серьезное значение, «как для настоящего, так и для будущего, как сам по себе, так и из-за его влияния на Британскую Индию»¹¹⁵. Особенно привлекал американского президента потенциал развития Китая в будущем. В разговорах с Гопкинсом в ноябре 1943 г. он говорил о том, что через 50 лет Китай будет служить противовесом британскому и иному европейскому влиянию в Азии, сдерживать советские амбиции в регионе, быть защитой против возрождающейся Японии¹¹⁶. Включение относительно послушного гоминьдановского Китая в проектировавшуюся Рузвельтом группу «четырех полицейских» должно было усилить и собственные дипломатические позиции США в ней.

Тем самым за стремлением Хэлла включить Китай в число государств, подписавших «Декларацию четырех», стояли серьезные соображения. На заседании конференции 26 октября Молотов дал свое согласие на это. Вопрос, очевидно, был согласован со Сталиным, который, в свою очередь, определился с решением относительно Японии, о котором он сообщит государственному секретарю позже. 30 октября Фу Бинчан от имени Китая поставил свою подпись под декларацией. Как вспоминал академик С. Л. Тихвинский, в 1943 г. молодой сотрудник Дальневосточного отдела НКВД, «Китай, по настоянию США, был также представлен на этой конференции, но буквально на несколько минут. Мне как раз довелось встречать у входа китайского посла, который прибыл в заключительный день работы конференции, чтобы успеть раздеться, войти в зал заседания, поставить свою подпись под Декларацией четырех и вернуться к себе в посольство»¹¹⁷. После подписания декларации Молотов сделал на документе отметку: «Москва, 30 октября 1943 г.».

Помимо принципиального вопроса о включении Китая, дискуссии на конференции вызвал и сам текст

«Декларации четырех». Поправки, которые вносила каждая из сторон, отражали специфику ее интересов и внешнеполитических целей. СССР стремился сохранить максимально возможную «свободу рук» в отношении территорий, которые будут освобождены советскими вооруженными силами. В связи с этим Молотов настоял на удалении фразы о совместных действиях «в отношении любой оккупации территории противника и территории других государств, которые находятся в руках этого противника» (п. 2 Декларации)¹¹⁸. Иден оказывал сопротивление, надеясь, что включение указанной фразы в декларацию позволит им влиять на ситуацию в странах Восточной и Центральной Европы, немалая часть которых, как было ясно, будет освобождена именно Красной Армией. Тем не менее, в рамках работы редакционной комиссии конференции (образована 22 октября) советской стороне удалось отстоять свою позицию. То же стремление — не ограничивать своей внешнеполитической инициативы — проявилось и советских поправках к ст. 6, которую Хэлл называл «актом самоограничения великих держав». В соответствии с ней, «по окончании войны» (в английском варианте — «по окончании военных действий»¹¹⁹) государства, подписавшие декларацию, соглашались «не применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации». Первоначальное американское предложение о необходимости «совместной консультации и соглашения» накладывало больше обязательств, что не устраивало Москву¹²⁰. Молотов также указал на неясности, вытекающие из применения данного пункта к договорам о взаимопомощи, при которых одно государство предоставляет другому базы на своей территории: будет ли указанный пункт препятствием в организации подобных баз?

Окончательная редакция, в целом, удовлетворила советскую сторону. Немалую поддержку Молотову при принятии указанных поправок оказал Хэлл. Учитывая его меньший интерес к делам Восточной и Центральной Европы, чем у Идена, а также принимая во внимание его приоритет — подписание «Декларации четырех» в Москве (при участии Китая) — государственный секретарь шел на уступки Молотову. Советская делегация умело сыграла на различие подходов США и Великобритании и достигла большинства своих целей в отношении Декларации.

Вопрос о создании «международной организации для поддержания мира и безопасности», о которой говорилось в п. 4 Декларации, был, с точки зрения советской делегации тесно связан с поставленным Лондоном вопросом «о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности». Предложение британцев сводилось к подписанию декларации, в которой, помимо косвенного одобрения создания конфедераций в Европе, говорилось бы о том, что

СССР, США и Великобритания «не будут стремиться к созданию каких-либо отдельных районов ответственности в Европе»¹²¹.

В комиссии Литвинова, где еще до получения британских предложений отмечалась взаимосвязь между вопросами о международной безопасности и системе союзов и блоков в Европе¹²², считали, что британское предложение вызвано двумя основными причинами: Лондон стремился успокоить Вашингтон, опасавшегося возрождения политики «сфер влияния»; на него могли воздействовать поляки «со свойственными им напористостью и способностью к закулисным интригам»¹²³, опасавшиеся, в виду ходивших в Лондоне разговоров, того, что Польша перейдет в советскую «зону». В качестве контрпредложения Литвинов предлагал выступить с идеей создания «специальной комиссии из представителей СССР, США и Соединенного Королевства для совместной разработки проблемы международной организации по охране безопасности».

Молотов во многом учел эти рекомендации. На заседании 28 октября после того, как Иден снял свои предложения, считая, что вопрос исчерпан принятием «Декларации четырех» нарком выступил с предложением о создании комиссии для «предварительной совместной разработки вопросов, связанных с учреждением всеобщей международной организации». Тем самым советская сторона не только избавилась от британской декларации, «имеющей целью дать удовлетворение полякам, туркам и другим опасующимся нашего влияния на востоке Европы»¹²⁴, но и выступила в качестве сторонницы дальнейших шагов «в деле международного сотрудничества», как заявил Хэлл. Этот пункт Декларации, по сути, проложил дорогу к конференции в Думбартон-Оксе, на которой будут разработаны основы Устава будущей Организации Объединенных Наций.

Хотя Иден не стал подробно развивать британские планы о создании федераций в Европе, одно упоминание о них вызывало у СССР настороженность. Рассматривая в сентябре 1943 г., возможность образования федерации в масштабе всей Европы, советский дипломат Штейн отмечал: «... проектируемая теперь европейская федерация объективно может быть лишь орудием английской гегемонии на континенте Европы... Учитывая неизбежное ослабление ряда европейских государств после Второй мировой войны, Советский Союз вряд ли будет заинтересован в том, чтобы укреплять эти государства при помощи европейской федерации и, таким образом, способствовать созданию политического организма, более мощного, чем отдельные государства... при выборе между двумя концепциями: европейской федерации или отдельных союзов (конфедераций) скорее следует отдать предпочтение отдельным союзам, а не общеевропейской федерации. Само собой разумеется, что отношение СССР к конкретным конфедерациям должно быть рассмотрено особо»¹²⁵.

В записке на имя Сталина и Молотова от 4 октября Литвинов также подчеркивал риски для СССР, связанные с образованием федераций и конфедераций в Европе: «Мне представляются особенно нежелательными отдельные группировки католических стран, которыми руководил бы Ватикан, как например, австро-баварская, австро-венгерская, польско-венгерская и т.п.». Однако ввиду популярности идеи и возможной заинтересованности самого СССР в некоторых федерациях (к примеру, балканской) Литвинов предлагал «добиваться отсрочки разрешения этой проблемы», аргументируя ее необходимостью для освобожденных стран восстановить национальный суверенитет, иметь время для того, чтобы «разобраться в новой обстановке послевоенного периода», наконец, апеллируя к нерепрезентативности эмигрантских правительств¹²⁶. Аргументы Литвинова явно понравились Молотову: в тексте записки он обвел их синим карандашом. Идеи, схожие с литвиновскими, были сформулированы и предложены Корнейчука от 15 октября¹²⁷, через день их вновь суммировал для наркома и сам Литвинов¹²⁸.

Опираясь на идеи Литвинова и Корнейчука, Молотов на заседании 26 октября изложил в целом негативное отношение советской стороны к преждевременному обсуждению вопроса федераций, подчеркнув также, что некоторые подобные проекты «напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно»¹²⁹. В итоге Иден по сути снял вопрос с обсуждения, отложив на «соответствующий благоприятный момент».

Если Молотов опасался британских проектов в отношении стран Центральной и Восточной Европы, то и Иден настороженно относился к возможным действиям Москвы в этом регионе. Британские опасения наглядно проявились при обсуждении вопроса «о соглашениях между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам». К октябрю 1943 г. он уже имел свою историю, начало которой можно отнести к британской ноте от 9 июня 1942 г. Тогда, во время пребывания Молотова в Лондоне, обсуждался вопрос о заключении соглашения между СССР и правительством Югославии в эмиграции. «Иден, — как говорилось в памятной записке посольства СССР в Великобритании от 26 июля 1943 г., — предложил договориться о том, чтобы Советский Союз и Великобритания не заключали с другими государствами в Европе, правительства которых находятся в изгнании, договоров по послевоенным вопросам без предварительной взаимной консультации и согласования. В. М. Молотов обещал изучить этот вопрос и доложить об этом предложении Советскому правительству»¹³⁰. Летом 1943 г. Иден снова поднял эту тему, пытаясь заблокировать заключение готовившегося советско-чехословацкого соглашения. Последовала нотная

переписка между Лондоном и Москвой, однако и на сей раз она не дала конкретных результатов.

Накануне Московской конференции было подготовлено новое британское предложение, переданное Керром Молотову 1 октября. Его условия были жестче, нежели предлагавшиеся в июне 1942 г. Если раньше речь шла о незаключении договоров без взаимной консультации и согласования, то теперь СССР и Великобритания должны были вовсе не вести переговоров с другими европейскими странами «в отношении вопросов, касающихся мирного урегулирования или послевоенного периода». Молотов обратил внимание на изменение сути британских предложений и попросил разъяснений. НКВД, опираясь на тщательных анализ имевшихся договоренностей, не собирался идти на поводу у Лондона. В справке по данному вопросу, подготовленной 11 октября, отмечалось: «Между Англией и СССР нет прямых соглашений, которые налагали бы на оба правительства обязательства консультировать друг друга по тем или иным вопросам, за исключением вопросов, имеющих прямое отношение к войне, которые определены в статье 2 договора от 26 мая 1942 года»¹³¹.

Вопрос был поднят на Московской конференции 24 октября. За день до этого Молотов разослал американцам и британцам проект договора «о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» между СССР и Чехословакией сроком на 20 лет. В проекте договора особо оговаривалась возможность присоединения к нему при обоюдном согласии СССР и Чехословакии третьей страны, граничащей с ними, — под ней подразумевалась Польша. Цель подобного пункта была достаточно ясной — сделать договор более приемлемым для Лондона.

На заседании 24 октября нарком сначала «прощупал» позицию Хэлла: тот сослался на свою непоследовательность в советско-британскую переписку по данному вопросу и не проявил особой заинтересованности. Вполне возможно, что он, как и Рузвельт, не хотел на данном этапе «ввязываться» в договоренности, «отдающие политикой „сфер влияния“»¹³².

Это могло приятно удивить наркома — в период подготовки к конференции в НКВД не исключали, что Хэлл будет стремиться к участию в дискуссии и «перереформатированию» предложенной британцами двусторонней договоренности (о незаключении соглашений с малыми союзниками по послевоенным вопросам) в трехстороннюю (в подобном случае предлагалось «не возражать»)¹³³. Молотов, выяснив, что англо-американского «фронта» не существует, перешел в наступление, подчеркивая «положительное значение» договора для СССР и Чехословакии, а также тот факт, что он «заключается между двумя государствами, имеющими общую границу, против возможной агрессии Германии в будущем, между двумя государствами, являющимися союзниками в теперешней войне против Германии». Нарком также зачитал советское заявление по вопросу о до-

говорах по послевоенным вопросам. В нем, в частности, указывалось на право СССР и Великобритании «заключать соглашения по послевоенным вопросам с пограничными союзными государствами, не ставя это в зависимость от консультации и согласования между ними, поскольку такого рода соглашения касаются вопросов непосредственной безопасности их границ и соответствующих пограничных с ним государств...»¹³⁴.

Данное заявление было показательным для концепций безопасности, существовавших в Москве в данный период. В НКВД господствовало убеждение в том, что вопросы послевоенного устройства «надо разрабатывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим себе будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости и безопасности»¹³⁵. В заявлении Молотова подчеркивался при этом и другой аспект, своего рода минимум требований СССР — обеспечение «непосредственной безопасности», то есть фактически отсутствие прямых угроз границам СССР в виде враждебных государств. В реализации этой цели советская сторона стремилась сохранить максимальную «свободу рук», не ставя заключение договоров с приграничными государствами в зависимость от консультаций и соглашений с Лондоном и Вашингтоном.

Договор с Чехословакией был важен для Москвы и как определенная альтернатива британским планам «конфедераций». Он задавал иной образец выстраивания системы европейской безопасности: не в виде объединений отдельных малых государств, а за счет двусторонних договоров о взаимопомощи между малым (средним) государством и «великой державой». Эта идея находила отражение и пропагандистских мероприятиях. Радиостанция «За национальное освобождение», вещавшая на территорию Чехословакии из Москвы, в ноябре 1943 г. противопоставляла планам «федераций» и «конфедераций» «славянскую русофильскую ориентацию, тесный дружественный союз с СССР»¹³⁶.

Заявление Идена о том, что у него «нет возражений против договора» СССР и Чехословакии, приятно удивило Молотова. Однако британский министр еще в период подготовки к конференции предусмотрительно зарезервировал возможность одобрения советско-чехословацкого договора при двух основных условиях: возможности присоединения к нему Польши и наличия благоприятной атмосферы при обсуждении других вопросов, затрагивавших советско-польские отношения¹³⁷.

Хотя Иден дал согласие на советско-чехословацкий договор 24 октября, обсуждение польского вопроса, с которым он связывал свое согласие на договор, состоялось лишь 29 октября. Настрой сторон не предвещал достижения крупных результатов. Советское правительство продолжало придерживаться точки зрения о невозможности возоб-

новления дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции, пока оно не изменит своей «враждебной позиции» в отношении СССР¹³⁸. По каналам разведки, в августе–октябре в Москву поступали сведения о подготовке польского правительства «к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши». Указывалось на то, что польское правительство и военные круги «фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Допускают, что англичане знают об указанных инструкциях [об оказании сопротивления Красной Армии] уполномоченному польского правительства и молчаливо одобряют их»¹³⁹.

В период подготовки к конференции НКВД во внутренних разработках четко сформулировал советскую позицию: «При обсуждении польского вопроса дать понять, что, так как Польша является нашим соседом и имеет с нами общие границы, — вопросы о советско-польских отношениях касаются раньше всего нас самих, что нынешнее польское правительство хуже правительства Сикорского. Сказать, что мы за независимую Польшу, готовы помочь, но хотим, чтобы там было правительство, дружественное по отношению к Советскому Союзу»¹⁴⁰. При этом, по всей видимости, не исключалось, что дискуссии по польскому вопросу могут зайти достаточно далеко — было разработано два проекта по вопросу советско-польской границы. За ее основу предполагалось взять «линию Керзона» с небольшими отклонениями: район Ломжи, «имеющий значительное польское население», должен был отойти Польше; район Белостока, «имеющий преимущественно белорусское население», — Белорусской ССР; район Сувалок, Клайпедская область и ряд восточных районов Восточной Пруссии — Литовской ССР¹⁴¹.

Несмотря на нежелание Москвы возобновлять отношения с польским эмигрантским правительством, советское руководство не хотело предпринять резких шагов, которые могли бы создать впечатление о создании в СССР в это время нового польского правительства вокруг Союза польских патриотов (образован в марте 1943 г. с центром в Москве). Показателен тот факт, что советская делегация предусмотрительно отказалась от идеи разослать меморандум Союза польских офицеров всем членам Московской конференции, что в октябре 1943 г. предлагал сделать Лозовский¹⁴². Характерен и другой факт: в ноябре 1943 г. Сталин лично вычеркнул имя председателя Союза В. Л. Василевской из списка награждаемых орденом Ленина¹⁴³ — такой жест мог быть неправильно истолкован за рубежом. Вместе с тем 1-я польская пехотная дивизия имени Т. Костюшко, формирующаяся на территории СССР с весны 1943 г. после того как была удовлетворена соответствующая просьба Василевской к Сталину¹⁴⁴, пользовалась вниманием. Свидетельства тому — решения Политбюро о награждении ее солдат и офицеров¹⁴⁵. Москва хотела

продемонстрировать роль дивизии в борьбе с Германией, противопоставив дивизию агентам польского правительства, которые, с советской точки зрения, сотрудничали с немцами.

В целом, ожидать принятия серьезных решений по Польше на Московской конференции было затруднительно. На заседании 29 октября Иден вновь заявил о желательности возобновления дипломатических отношений между СССР и Польшей, отдельно упомянув проблему поставок польскому движению Сопротивления оружия и военных материалов. Молотов подчеркнул, что «оружие можно давать только в надежные руки», выразив также недовольство советской стороны в связи с тем, что участие 2-го польского корпуса (бывшая армия Андерса) в военных действиях затягивается. На том обсуждение польского вопроса и закончилось¹⁴⁶.

Противоречия между советской и британской позициями выявились и по вопросам, касавшимся ситуации в Югославии. Иден стремился скоординировать политику Лондона и Москвы в отношении партизан во главе лидером Коммунистической партии Югославии И. Б. Тито и четников во главе с Д. Михайловичем, министром обороны эмигрантского правительства. Фактически британский министр хотел использовать влияние СССР на Тито с целью смягчить его позицию в отношении эмигрантского правительства и короля Петра II Карагеоргиевича и одновременно укрепить позиции Михайловича, добившись одновременной отправки советской военной миссии как к партизанам, так и четникам.

Молотов, апеллируя к недостаточности информации, которой располагала советская сторона, стремился не брать никаких обязательств. В этом смысле он вновь следовал позиции, сформулированной в период подготовки к конференции¹⁴⁷. Нарком заявил о планах по отправке военной миссии к Тито, дав понять при этом, что по поводу аналогичной миссии к Михайловичу, который «поддерживает оккупантов и даже действует с ними заодно», у Москвы есть серьезные сомнения. При этом был поставлен вопрос о получении у британцев какой-либо базы в Африке для того, чтобы поддерживать связь с советской военной миссией в Югославии¹⁴⁸.

Безусловно, говоря о скудости получаемой из Югославии информации, Молотов не раскрывал всех карт. Как отмечают исследователи, «после роспуска Коминтерна И. Тито продолжал поддерживать прямую радиосвязь с Г. М. Димитровым, передавая через него информацию, предназначенную для правительства СССР, Сталина, а также радиостанции „Свободная Югославия“»¹⁴⁹. Действительно по старым коминтерновским каналам в Москву поступали подробные отчеты о боевых действиях в Югославии, где указывалось, в том числе и на сотрудничество четников с германскими войсками¹⁵⁰, а также личные оценки Тито по поводу меняющейся военно-политической обстановки.

Более того, советская разведка имела доступ, по крайней мере, к некоторым британским телеграммам, поступавшим в Лондон из Каира, где с конца сентября 1943 г. располагалось югославское эмигрантское правительство и король Петр. По ним Москва могла судить о далеко идущих планах эмигрантского правительства. Как сообщалось в Лондон, «югославский премьер-министр в основном был озабочен необходимостью сберечь имеющиеся в распоряжении Михайловича резервы для того периода, когда немцы будут изгнаны из Югославии»¹⁵¹.

Еще одна проблема, по которой советская и британская позиции не совпадали, заключалась в так называемых «мирных пробных шарах» со стороны вражеских государств. В течение 1943 г. и Москва и Лондон неоднократно информировали друг о друга о различных маневрах союзников Германии по выходу из войны и поискам компромиссного мира. Так, накануне Московской конференции от Керра поступала информации о зондаже со стороны Венгрии, Молотов же сообщил британскому правительству о дипломатических маневрах Японии¹⁵². Тем не менее, эта дипломатическая переписка выявила немаловажные расхождения между позициями СССР и Великобритании. Британцы, активно контактировавшие в Стамбуле с сотрудником венгерского МИД Л. Верешем, утверждавшим, что он представляет серьезную политическую группу Венгрии (во главе с премьер-министром М. Каллаи) и желавшим получить от Великобритании условия перемирия с Венгрией, выступали за предоставление ему достаточно благоприятного ответа. Согласно этому британскому ответу, хотя венгерское правительство должно было заявить о принятии о «безоговорочной капитуляции» как можно скорее, тем не менее, ему предоставлялась возможность считать, что «еще не настало время для подобного заявления». В таком случае венгерские власти должны были пойти на сокращение своих военных усилий в пользу Германии, дабы продемонстрировать действительную готовность сотрудничать с союзниками.

Советская сторона выступала против пункта о возможной отсрочке заявления о «безоговорочной капитуляции». Однако в британском ответе, переданном 9 сентября Верешу, пожелание Москвы не было учтено. В НКВД из англо-венгерских переговоров были сделаны серьезные выводы. В записке заведующего III Европейским отделом Смирнова от 15 октября подчеркивалось: «Тот факт, что еще в период активного участия Венгрии на стороне оси Англия решила пересмотреть свои позиции в отношении Венгрии в сторону смягчения ... показывает, что в английской политике послевоенной Венгрии отводится особая роль ... Венгрия должна стать объектом активной английской политики в послевоенной Юго-Восточной Европе, где Англия готовится обеспечить свои господствующие позиции, став на место ослабленных и разгромленных

Германии, Франции и Италии»¹⁵³. Советская сторона имела возможность «перепроверить» достоверность сообщаемой британцами информации и по «неофициальным» каналам. По приводимым в литературе сведениям, один из венгерских агентов британского Управления специальных операций (СОЕ) сообщал информацию о переговорах с Верешем советскому торговому атташе в Анкаре¹⁵⁴.

В целом, за советско-британскими разногласиями по венгерскому вопросу стояла не просто борьба теоретических концепций. Принцип «безоговорочной капитуляции» больше всего отвечал интересам СССР в обеспечении своей безопасности, позволяя добиться наиболее жестких условий в отношении стран-сателлитов Германии. Так, в частности, в документе о капитуляции Венгрии комиссия Ворошилова предусматривала оккупацию советскими вооруженными силами ее территории, а также «установление контроля Главнокомандующего советскими вооруженными силами над судоходством по реке Дунаю и другим водным путям Венгрии»¹⁵⁵.

Напротив, отказ от принципа «безоговорочной капитуляции» открывал дверь планам, подобным тем, что развивались применительно к Венгрии весной — осенью 1943 г. спецслужбами как Великобритании, так и США. Их основная суть сводилась к тому, что поддерживались контакты с оппозиционными группами в странах-сателлитах, которые должны были «выйти на свет» в период высадки англо-американских войск на Балканах. Это могло перекрыть Красной армии доступ в Восточную и Центральную Европу¹⁵⁶. Учитывая взрывоопасный потенциал вопроса о «пробных мирных шарах», на Московской конференции министры иностранных дел сошлись на минимальной договоренности о необходимости информировать друг о друга о «всякого рода пробных предложениях мира» и консультироваться с целью согласованных действий «в отношении подобных предложений».

Взаимная осторожность характеризовала и обсуждение германского вопроса на конференции. Еще в период подготовки к ней НКВД считал, что «одним из наиболее актуальных вопросов, по которым англо-американцы хотели бы прошупать нашу позицию является „германский вопрос“, в частности вопрос о нашем отношении к условиям будущего перемирия с Германией и вопрос о ее послевоенном устройстве». Литвинов полагал, что у Вашингтона и Лондона самих отсутствуют «готовые предложения» по данному вопросу, выдвинут же он был «главным образом в результате антисоветской пропаганды, связанной с некоторыми нашими выступлениями и с образованием комитета „Свободная Германия“ и Союза офицеров»¹⁵⁷.

Деятельность указанного комитета, образованного в июле 1943 г. в Москве из числа германских военнопленных, а также антифашистских германских общественных и профсоюзных деятелей и депутатов

рейхстага, находившихся в СССР, рассматривалась послами Стэндли и Керром с опаской¹⁵⁸. Официальная позиция советского правительства в отношении комитета состояла в том, что он используется, прежде всего, в пропагандистских целях¹⁵⁹. Как и в случае с Союзом польских патриотов, в действиях СССР заметна определенная осторожность. Когда в октябре 1943 г. от советских дипломатических работников в США стали поступать предложения привлечь к деятельности комитета «Свободная Германия» известных германских писателей, находившихся в эмиграции (Г. Манна, Л. Фейхтвангера и др.; Г. Манн и вовсе хотел переехать в Москву на постоянное жительство), не кто иной, как ветеран Коминтерна Мануильский вынес следующую резолюцию: «Обождать по политическим причинам»¹⁶⁰.

Дополнительным стимулом к сдержанности при обсуждении германского вопроса служило и другое соображение, выдвинутое Литвиновым: «... Не в интересах союзников теперь же прокламировать те крайние меры, к которым придется прибегнуть для обезвреживания Германии в качестве агрессора и максимального ослабления ее в этих целях в военном, экономическом и территориальном отношениях... Публичное обсуждение этих мер может быть лишь на пользу Гитлеру, поскольку оно может спланировать немцев и усиливать их сопротивление». По данным советской разведки, и сами британцы не питали особых надежд на принятие решений по Германии на Московской конференции: «Иден считает маловероятным, чтобы три державы пришли к какому-либо твердому соглашению по германскому вопросу», — говорилось в одном из донесений¹⁶¹.

Показательно, что даже американское правительство, о планах которого по раздроблению Германии («план Уэллеса») было известно как Лондону, так и Москве¹⁶², вело себя достаточно осторожно и не конкретизировало вариантов «децентрализации» Германии. При обсуждении данного вопроса на заседании 25 октября Иден и Молотов также воздержались от детальной разработки темы. Британский министр сослался на то, что его правительство «еще не приняло окончательного решения», Молотов, по воспоминаниям Хэлла, положительно отреагировавший на его предложения и даже заявивший в частной беседе об энтузиазме Сталина по их поводу¹⁶³, на официальном заседании высказывался осторожно. Помимо опасений о том, что разговоры о расчленении Германии могут быть «на руку Гитлеру», нарком также упомянул: советское правительство «вероятно, несколько отстало в изучении данного вопроса... наши руководители сейчас больше заняты военными проблемами»¹⁶⁴.

Помимо взаимной осторожности достижению конкретных договоренностей по германскому вопросу препятствовал тот факт, что и внутри самих союзных правительств по нему не было единства. Особенно это касалось Москвы и Лондона. Несмотря

на то, что комиссия Литвинова в сентябре–октябре 1943 г. представила достаточно подробные разработки по разделению Германии на несколько государств (от 3 до 7)¹⁶⁵, в комиссии Ворошилова преобладали более осторожные мнения в этом вопросе¹⁶⁶.

Главным практическим решением Московской конференции, связанным с германским вопросом, стала «Декларация об Австрии». Это было во многом британское «детище». Разрабатывая австрийскую проблему еще в мае, Иден исходил из того, что заявление о предоставлении независимости Австрии после войны усилит движение Сопротивления в Австрии, а также может стать первым шагом в разработке дальнейших планов относительно ее судьбы. Одним из вариантов могла стать Центрально- либо Юго-Восточноевропейская конфедерация (в которую, помимо Австрии, могли войти Польша, Чехословакия и Венгрия)¹⁶⁷.

В этом отношении британское предложение об Австрии было связано и с проблемой конфедераций, что верно отметили в комиссии Литвинова¹⁶⁸. Если образование конфедераций рассматривалось, по большей части, как нежелательное явление, к предоставлению независимости Австрии, напротив, в НКВД относились положительно, о чем Литвинов специально писал Сталину и Молотову 4 октября¹⁶⁹. В подготовленной в рамках его комиссии записке «О послевоенном устройстве Австрии» (11 октября) отмечалось, что создание «жизнеспособного, но малого государства» на австрийской территории отвечает интересам СССР¹⁷⁰.

В итоге на самой конференции стороны сошлись на условиях, которые устраивали всех. В «Декларации об Австрии» признавалась незаконность аншлюса, подчеркивалось желание трех держав видеть «восстановленную свободную и независимую Австрию», а также отмечалось, что «ее собственный вклад в дело ее освобождения», не снимая с нее ответственности за участие в войне на стороне Германии, будет «неизбежно» принят во внимание. Декларация была встречена позитивно (в частности, «Движение свободных австрийцев» в Великобритании выражало за нее «глубокую благодарность»¹⁷¹), ее положения использовались в советской радиопропаганде на Австрию¹⁷².

Если Иден шел на уступки Молотову в вопросах «Декларации четырех», отказываясь от формулировок, которые могли сократить свободу внешнеполитического маневра СССР, а также по проблеме «самоограничения» великих держав, то он рассчитывал, что успешное решение вопроса о Военно-политической комиссии (ВПК) позволит в определенной степени их сбалансировать. Самому созданию комиссии, которая бы занималась согласованием политических курсов трех государств, он отводил важное место — без нее «невозможно никакое [мирное] урегулирование. В подобном случае очень скоро после завершения одной войны, мы будем готовиться к следующей»¹⁷³.

Ухватившись за идею послания Сталина от 22 августа о создании ВПК «для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии», британский министр решил «убить сразу двух зайцев». Во-первых, функции ВПК, образованной 26 сентября, главным образом, для рассмотрения вопросов, связанных с условиями перемирия с Италией, необходимо было расширить; во-вторых, перенести место ее расположения из Алжира в Лондон¹⁷⁴. Последнее соображение, явно нацеленное на укрепление британских дипломатических позиций перед лицом Вашингтона, должно было, как надеялись в Лондоне, встретить в Москве положительную реакцию¹⁷⁵.

Британские расчеты были не обосновательны. Литвинов, еще в начале октября размышляя о планах создания «союзной комиссии», отмечал, что ее пребывание «в Вашингтоне или Лондоне имеет для нас то преимущество, что наши представители не будут обязаны высказать сразу свое мнение по спорным вопросам, ссылаясь на необходимость получения инструкций из Москвы». Тем не менее, он предлагал «добиваться создания этой комиссии в Москве»¹⁷⁶. Молотов, однако, не стал выступать с подобными предложениями.

К вопросу о ВПК в Москве относились серьезно. Малейшие попытки на Западе принизить ее значение наталкивались на ответ. Показательно, что после появления в «Таймс» одной из статей, в которых ВПК называлась «комиссией экспертов», Молотов специально отметил этот факт в письме Керру (от 30 сентября), указав на нежелательность подобных наименований¹⁷⁷. В преддверии конференции НКВД стремился к серьезному расширению функций ВПК, позиционируя ее как действенный орган межсоюзнического контроля за выполнением условий перемирия странами «оси». В письме Гамилтону от 14 октября Молотов, конкретизируя позицию сформулированную 25 сентября¹⁷⁸, полагал, что ВПК «должна направлять и координировать деятельность организуемых на вражеских территориях военных органов и любых гражданских властей союзников по вопросам перемирия и контроля за осуществлением перемирия», издавать время от времени «инструкции и директивы для правительства Италии и, при аналогичных обстоятельствах, для правительств других стран оси с тем, чтобы военно-оперативные вопросы полностью подлежат ведению Союзных Главнокомандующих»¹⁷⁹. Западными союзниками подобное расширение функций ВПК, которое влекло усиление позиций СССР в итальянском вопросе, воспринималось негативно. Как говорилось на заседании британского Кабинета министров 18 октября, «на изъятие контрольных полномочий у Главнокомандующего» правительство Великобритании идти не собиралось¹⁸⁰.

На самой конференции инициативу в вопросе трансформации ВПК проявили уже британцы. По-

скольку ВПК в Алжире, существовавшая к началу Московской конференции, занималась итальянскими делами, Идену было необходимо каким-то образом соотнести новую предлагаемую им комиссию (в Лондоне) со схемой контроля и управления Италией. На заседании 22 октября он изложил свою концепцию, суть которой НКВД суммировал следующим образом: «В настоящее время в Италии и Алжире не создавать никаких межсоюзнических органов, кроме Контрольной комиссии». В Италии ключевую роль в течение периода военных действий должна играть Контрольная комиссия во главе с союзным Главнокомандующим. После занятия Рима и возвращения туда итальянского правительства создается Консультативный совет (КС) при Главнокомандующем, состоящий из высоких комиссаров (представителей США, Великобритании, СССР, а также, «если будет решено», ФКНО, Греции и Югославии), имеющий право представлять рекомендации Главнокомандующему. После окончания военной кампании в Италии КС получает от Главнокомандующего «исполнительную власть над работой по контролю»¹⁸¹. Внося указанные предложения, Иден стремился максимально сократить влияние СССР на ситуацию в Италии, сосредоточив контроль над ней в руках Главнокомандующего, действующего по инструкциям англо-американского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ).

23 октября состоялось совещание в кабинете у Сталина с участием Молотова и его заместителей, что, скорее всего, свидетельствовало об обсуждении вопросов конференции. В фонде секретариата Вышинского сохранились недатированные краткие пометки, которые, с большой долей вероятности, могут быть отнесены именно к совещанию 23 октября. Приведем их в имеющемся виде с небольшим пропуском:

«У Т. Ст.

Ит. К ия=Конс. Совет из 6-ти (на худой конец)

[...]

~~Конс. Лонд. Совет — Посла Назначить советника — Лондон~~

Любой вопрос, из связан.с войной

Состав Лонд. — от 3 госуд.

Конс. совет по вопр Италии

~~Конс. Евр. Евр. Совет по К-т Европ.делам в Лондон»~~¹⁸².

Из этих, пусть и обрывочных, данных можно сделать два немаловажных выводов:

- во-первых, к потенциально важной комиссии в Лондоне (после исправлений фигурировала под названием «Европейский комитет»), членство в которой ограничивалось тремя государствами, испытывали настороженность. Отсюда — невысокий уровень представительства (советник) и ограниченный круг вопросов для рассмотрения (непосредственно связанных с войной);
- во-вторых, возможности влиять на ситуацию в Италии придавали большое значение — отсюда

согласие на идею о КС и нежелание чрезмерного расширения его состава («на худой конец»).

К 24 октября НКВД сформулировал свою позицию по предложениям Идена о межсоюзных органах. Советская сторона соглашалась с созданием комиссии в Лондоне (пока оно обозначалась как ВПК) из представителей трех держав (участие ФКНО в ней считалось «нецелесообразным»), а также с образованием КС по Италии с участием представителей ФКНО, Греции и Югославии, «не допуская дальнейшего расширения». Особо оговаривалось, однако, что КС должен начать «функционировать немедленно на юге Италии, не дожидаясь занятия Рима», не будучи подчинен Союзному Главнокомандующему¹⁸³.

Готовность СССР согласиться с «итальянскими» предложениями Идена вызвала недоумение и даже подозрение в Форин Офисе. Здесь понимали, что они сводят советское влияние на ситуацию в Италии к минимуму¹⁸⁴. Однако в НКВД, по всей видимости, в конечном счете, готовы были отнести Апеннинский полуостров в зону британских интересов¹⁸⁵, сохранив, однако, определенное влияние на политическую ситуацию в Италии (в том числе через итальянских коммунистов). К тому же, создавался немаловажный прецедент для ситуации в Центральной и Восточной Европе.

Хотя сама идея создания ВПК в Лондоне не вызывала протестов с советской стороны, пунктом советско-британских разногласий стал вопрос о ее функциях. Британцы стремились к расширению компетенции комиссии и превращении ее площадку для обсуждения не только военных, но и послевоенных вопросов. Ожидавшийся Керром уровень советского представительства — «т. Вышинский, которого мы надеемся увидеть в Лондоне»¹⁸⁶ — был достаточно высок. Одновременно это послужило бы символом своего рода преемственности между ВПК в Алжире и в Лондоне.

Молотов стремился свести первоочередные функции ВПК к подготовке условий перемирия с Германией и ее союзниками, а также контролю за осуществлением принятых условий перемирия. В целом, нарком стремился приблизить ее функции к тому кругу проблем, которые сами британцы обрисовали в своем меморандуме от 1 июля 1943 г. Как следует из предложений по данному меморандуму, представленным комиссией Ворошилова, советская сторона хотела добиться четырех основных целей:

- а) закрепить применение принципа безоговорочной капитуляции;
- б) усилить роль главнокомандующего «на данном театре военных действий» в реализации условий перемирия;
- в) создать возможности для вхождения в комиссию по вопросам перемирия в Европе союзных республик СССР, «на территории которых происходили военные действия»;

- г) обеспечить принципы равенства и единогласия в руководящем органе комиссии, что фактически давало бы Москве право вето¹⁸⁷.

Не хотел Молотов и того, чтобы комиссия в Лондоне становилась единственной площадкой, на которой обсуждались бы все европейские проблемы. Это могло сократить свободу дипломатического маневра СССР. В итоге нарком умело использовал предложение Хэлла о том, «чтобы в Вашингтоне, Лондоне или Москве собирать совещание во главе с министром иностранных дел при участии двух послов союзных государств»¹⁸⁸.

В целом, советские поправки были в немалой степени учтены в итоговых решениях по Европейской консультативной комиссии (ЕКК) — так стала называться комиссия в Лондоне — и КС в Италии¹⁸⁹. Хотя круг вопросов, которые могла рассматривать ЕКК, теоретически оставался весьма широким («европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать»), советская сторона добилась не только возможности пересмотреть компетенцию комиссии, но и того, что разработка условий капитуляции стран «оси» была признана одной из первых ее задач. Упоминался также формат трехстороннего обсуждения в соответствии с предложениями Хэлла, поддержанными Молотов. В отношении КС в Италии были учтены советские запросы о его незамедлительном создании, а также пожелание о прикомандировании к верховным комиссарам небольшого штата «технических советников, гражданских и военных» (британская делегация настаивала ранее на упоминании лишь «технических» советников)¹⁹⁰.

Если с тем фактом, что военный контроль за ситуацией в Италии будет сосредоточен в руках американцев и британцев, советская сторона согласилась относительно легко, то по вопросу о проведении там политических мероприятий по демократизации она первоначально заняла более жесткую позицию, которую в ходе дискуссии Молотов, однако, несколько смягчил. Это отразилось и на работе редакционной комиссии конференции, где Вышинский снял наиболее жесткие формулировки, критиковавшие медлительность англо-американских властей в ликвидации фашистских организаций и устранении профашистских элементов из административных органов¹⁹¹.

В опубликованной «Декларации об Италии» выразилось единство взглядов трех стран на меры, которые необходимо провести на итальянской территории, и даже подчеркивалось, что хотя время, «когда будет возможно полностью осуществить вышеуказанные принципы», определяется ОКНШ, СССР, США и Великобританию будут «консультироваться друг с другом по этому вопросу» (данная фраза была вставлена по настоянию Хэлла). То, что советской делегации удалось зафиксировать в декларации конкретные меры по демократизации Италии, рассматривалось в НКВД как одно из важных достижений на конференции. «При-

чем это было сделано таким образом, — отмечалось в отчете Саксина, — что инициатором проведения демократических мероприятий в Италии были не всеми признанные демократы — Вашингтон и Лондон, а Москва — Советское правительство»¹⁹².

Различие точек зрения сказалось и при обсуждении французского вопроса. Ярko проявившись еще в ходе признания ФКНО в августе 1943 г., оно давало о себе знать и во время Московской конференции. В период подготовки к ней в НКИД подчеркивали, что «наша позиция по отношению к ФКНО определена в нашей формуле признания этого Комитета», в случае британского предложения об образовании французского правительства на базе ФКНО советская делегация не должна была возражать, что свидетельствовало о готовности оказать поддержку организации Ш. де Голля¹⁹³. В противовес подобным ожиданиям, направленная Иденом Молотову 24 октября «Основная схема управления освобожденной Францией» не только не упоминала о создании французского правительства, но и была нацелена на сведение роли ФКНО к минимуму. Комитет мог направить миссию по гражданским делам при штабе Главнокомандующего, однако ей отводились консультативные функции. Назначение французского офицера, который должен был управлять гражданскими делами, также входило в компетенцию Главнокомандующего. Эксперты НКИД в своих внутренних оценках не без оснований усмотрели в этом «стремление таким образом получить от Советского Союза визу на право бесконтрольной деятельности англо-американского АМГОТа в освобожденной Франции»¹⁹⁴. Опыт АМГОТа на территории Италии подвергался серьезной критике как публично (на страницах журнала «Война и рабочий класс»¹⁹⁵), так и во внутренних разработках НКИД¹⁹⁶. Закономерно, что на заседании 27 октября Молотов ясно указал на те положения схемы управления освобожденной Францией, которые вызывали у СССР сомнения. Было решено, что вопрос будет передан на рассмотрение ЕКК.

Если при обсуждении большинства указанных выше проблем основная дискуссия разворачивалась между Молотовым и Иденом, то в вопросах о послевоенном экономическом сотрудничестве с СССР и экономической реконструкции после войны роль главной скрипки играл Хэлл. В американских предложениях по данным проблемам многое устраивало советскую сторону. Готовность Вашингтона вести переговоры по вопросам восстановления СССР после войны была подтверждением для Москвы, что предложения, сделанные еще в ходе 10-дневного визита Д. Нельсона в первой половине октября 1943 г., достаточно серьезны¹⁹⁷.

Реагируя на поступившее от Хэлла 25 октября предложение о предварительных переговорах о советско-американском сотрудничестве в деле послевоенного восстановления СССР, нарком внешней торговли А. И. Микоян писал Молотову: «Как и следо-

вало ожидать (курсив мой. — И. М.), в представленном документе Американская Делегация выражает желание сотрудничать в деле возмещения военного ущерба в СССР... Следует дать согласие на ведение указанных переговоров»¹⁹⁸. Несмотря на позитивный настрой, Микоян не исключал, что в ходе Московской конференции Хэлл может поставить и вопрос о материальной компенсации за помощь, оказанную СССР по ленд-лизу. Основной контраргумент, по мнению наркома внешней торговли, должен был основываться на морально-политических факторах: «Советский Союз, выносящий на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашистской агрессии, принес Соединенным Штатам огромное, не поддающееся оценке и исчислению (подчеркнуто Вышинским. — И. М.), выгоды ...»¹⁹⁹.

Позитивно в это время воспринимались даже меры по либерализации международной торговли, с которыми выступали американцы. Как писал Микоян Молотову еще до начала конференции, «Советская Сторона заинтересована в том, чтобы были облегчены условия международной торговли и в связи с этим для нас нет оснований отказываться от участия в международных соглашениях по данному вопросу. Советская Сторона, учитывая наличие государственной монополии внешней торговли, при которой размер таможенных пошлин имеет лишь условное значение, могла бы пойти на существенное снижение, а в отдельных случаях, и на полную отмену таможенных пошлин». Микоян не был против и вхождения СССР в Международную валютную организацию и принятия за основу американского проекта Международного стабилизационного фонда с рядом поправок²⁰⁰.

Молотов, опираясь на эту точку зрения, говорил на конференции о том, что «наши экономические органы относятся положительно к тем предложениям, которые сформулированы американским правительством» по вопросу международного экономического сотрудничества.

Риск, однако, с советской точки зрения, состоял в том, что западные союзники попытаются связать вопрос об экономическом сотрудничестве с проблемой репараций. На совещании у Сталина 23 октября Вышинский сделал следующую пометку карандашом: «Надо отделить вопросы возмещения убытков от улучшения экономических отношений»²⁰¹.

Действительно, уже на Московской конференции вопрос о репарациях вызвал определенные противоречия. Молотова не удовлетворило то, что в американских предложениях не говорилось о репарациях со стран-союзников Германии, а также то, что объем репараций связывался с тем, насколько они могут быть получены «без такого ущерба для уровня жизни в Германии и для роста производства, который создал бы серьезные экономические и политические проблемы». Нарком отказывался следовать этой логике, подчеркивая, что «не в меньшей, а в большей мере заслужи-

вает внимания вопрос о жизненном уровне тех стран, которые пострадали от нападения Германии», о чем в предложениях Хэлла говорилось «неясно»²⁰². Молотов, не последовав в этом вопросе рекомендациям комиссии Литвинова, высказался против принятия на конференции решения о создании комиссии по репарациям. Как представляется, свою роль в этом сыграл и чисто практический вопрос: советская позиция по репарационному вопросу еще не была детализована. Как отмечал Литвинов, «у нас вопрос репараций тщательно еще не разрабатывался ввиду отсутствия тов. Майского»²⁰³. Действительно, решение о создании Комиссии по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками (во главе с Майским), будет принято Политбюро лишь 22 ноября 1943 года²⁰⁴.

В этом же духе нарком отстаивал позицию о первоочередном восстановлении «объединенных и присоединившихся к ним наций», а не всех третьих государств через структуры Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРА), как можно было понять из предложений Хэлла. По данному вопросу Молотов вновь опирался на аргументацию, ранее предложенную Микояном²⁰⁵.

Еще одним вопросом, в котором выявились незначительные трения в позициях СССР, с одной стороны, и Великобритании и США, с другой, был Иран. Целью союзников было подписание на конференции документа, в котором была бы сформулирована общая позиция трех держав по Ирану. И Лондон и Вашингтон хотели получить от Москвы подтверждения обязательства о выводе войск из Ирана, «не позднее шести месяцев после окончания войны с Германией», зафиксированного в советско-английско-иранском договоре от 29 января 1942 г. За этим стояли подозрения по поводу возможных действий СССР в Иране, которые новая советско-английская декларация (наряду с отдельным заявлением США аналогичного содержания) должна была несколько смягчить²⁰⁶. Британцы надеялись, что в отдельной декларации по общей политике трех государств в Иране будут даны заверения союзников в стремлении облегчить продовольственную и транспортную ситуацию в стране. Американская сторона хотела видеть в тексте данной декларации одобрение деятельности зарубежных советников при иранском правительстве, являвшихся в основном гражданами США.

Все эти попытки англо-американцев вызывали в Москве настороженность. В объемном документе «Об английской и американской политике в Иране», составленном Кавтарадзе в период подготовки к конференции, указывалось: «Одну из своих задач англичане видят „в защите Ирана от русского влияния“. Англичане считают, что среди верхушечных слоев иранцев сильно развиты опасения о том, что „русские откажутся после войны покидать Иран“... Англичане обхаживают нынешнего молодого шаха Ирана, действуя на него через близкого им министра

двора Али. Англичане ведут линию на дезорганизацию правительственной власти в Иране, стремясь дискредитировать правительство, возглавляемое лицами более или менее лояльно относящимися к нам, чтобы привести к власти своих людей...». Действия американцев, которых в Иране «интересует, прежде всего, нефть» и которые «без предварительного согласования с иранцами и нами» ввели на территорию страны свои войска, также оценивались негативно²⁰⁷. Само название одной из разработок по «иранскому вопросу» в преддверии конференции говорило само за себя: «Проявление враждебного отношения к нам со стороны англичан и американцев»²⁰⁸.

В сформулированных в Средневосточном отделе НКВД предложениях по иранскому вопросу указывалось на теоретическое согласие с британскими предложениями, призывавшими к сотрудничеству между тремя государствами в Тегеране, облегчению давления на иранскую экономику и координации политики в отношении иранского правительства. Однако советская сторона должна была в случае дискуссии по ним, прежде всего, призвать самих англичан и американцев к следованию заявленным принципам (критиковалось несогласованное решение англичан о передаче южного участка иранских железных дорог американцам, солидные расходы в иранской валюте, что било по финансам Тегерана и т.д.)²⁰⁹.

Не исключено, что подготовка НКВД к обсуждению иранского вопроса на Московской конференции столкнулась и со сложностями организационного характера. В документе, представленном Молотовым Сталину 18 октября в отношении пункта «Совместная политика в Иране» (исполнители — Кавтарадзе, Смирнов, Михайлов) указано: «Материал не предоставлен»²¹⁰. При этом в фонде секретариата Вышинского содержится большое количество недатированных, но явно относящихся к октябрю 1943 г., документов по иранской проблематике²¹¹.

Кавтарадзе и бывший посол в Тегеране Смирнов, являвшиеся советскими представителями в комиссии по Ирану, работавшей в рамках Московской конференции, не видели смысла идти навстречу англо-американским пожеланиям и повторять обязательства в отношении вывода советских войск. Ссылаясь на отсутствие договора между США и Ираном, аналогичного советско-английско-иранскому, они ушли от подписания декларации²¹². Как говорилось во внутреннем циркуляре Молотова по итогам конференции, одна из причин заключалась в том, что «это поставило бы в одно положение нас и американцев, которые пока еще не имеют договорных отношений с Ираном»²¹³.

Еще меньше симпатий вызывало американское предложение относительно зарубежных советников. За их деятельностью в НКВД пристально следили еще с 1942 года²¹⁴ и рассматривали ее через призму утверждения американского и британского влияния в Иране. Британское предложение о совместной политике по улучшению продовольственной и транспорт-

ной ситуации в Иране также не обещало советской стороне дивидендов. И в том, и в другом отношении ситуация была достаточно тяжелой, а средства СССР по ее улучшению — ограничены. Лондону же это было на руку: приобщив Москву к декларации, он мог «разделить» иранскую критику политики союзников, а также приободрить Иран в свете его недавнего вступления в войну с Германией (9 сентября). Наконец, еще один довод советской стороны в пользу воздержания от каких-либо решений по иранскому вопросу состоял в том, что Москва не хотела создавать ситуации, при которой дела, касавшиеся Ирана, решались бы без его ведома и участия.

В итоге, предложение по вопросу «Совместная политика в Иране», принятое Московской конференцией, было, по сути, лишено конкретики. Стороны заявили об отсутствии «фундаментальной разницы» в политике в отношении Ирана, признали невозможность достичь согласия по вопросу о целесообразности немедленного опубликования какой-либо декларации по Ирану и согласились продолжить обсуждение вопроса дипломатическими представителями в Тегеране (данное предложение было принято по инициативе американских представителей)²¹⁵.

Более конкретных результатов на конференции в Москве удалось достичь по вопросу подписания «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Первоначально она даже не входила в повестку дня конференции, однако, в конце концов, стала одним из ее символов (так называемая «Московская декларация»). Ее инициатором был Черчилль. Непосредственным стимулом к выдвиганию его предложения стала ситуация на Додеканезских островах, военные действия на которых привлекали особое внимание премьера. Выступая перед британским Кабинетом 8 октября, Черчилль упомянул о недавнем расстреле немцами 100 итальянских офицеров на острове Кос (до выхода Италии из войны он контролировался итальянскими войсками) и заявил, что было бы желательным «опубликовать сейчас декларацию от нашего имени, а также Соединенных Штатов и России о том, что такое же количество германских офицеров или членов нацистской партии, какое было убито ими людей в различных странах, будет возвращено в эти страны после войны для суда»²¹⁶. 12 октября послание с проектом декларации было отправлено Сталину. В нем отмечалось, что по мере освобождения от фашистского господства все новых территорий «отступающие гитлеровцы и гунны удваивают свои зверства». Черчилль рассчитывал, что угроза возвращения германских преступников в места совершения ими преступлений может оказать «сдерживающее влияние на террор врага».

К проблеме германских преступлений на захваченных территориях в Москве по понятным причинам относились особенно внимательно, причем позиция союзников в этом вопросе вызывала определенное недовольство. На протяжении 1941–1943 гг.

Молотов направил посольствам и миссиям, аккредитованным на территории СССР, несколько нот, касавшиеся зверств германских властей на захваченных территориях. Ответов по существу на них не поступало. Как писал Лозовский в мае 1943 г., «вот уже четвертая нота о зверствах немцев, но ни один посол и ни один посланник союзных с нами стран не высказался публично по этому вопросу»²¹⁷. Не удивительно, что к идее Черчилля в Москве отнеслись позитивно. 22 октября Молотов сообщил Хэллу, что Сталин в принципе «не возражает против подписания декларации по вопросу о немецких зверствах». Рузвельт предложил, чтобы декларация была согласована уже в Москве. В итоге ее текст, принятый с небольшими советскими поправками, в которых подчеркивалась роль «чудовищных преступлений», совершенных на территории СССР, был принят на конференции и опубликован от имени Рузвельта, Сталина и Черчилля.

Хотя в центре Московской конференции находились переговоры трех министров иностранных дел, Сталин, ключевая фигура в советской внешней политике, зримо и незримо присутствовал на ней. На протяжении работы конференции Молотов (нередко вместе с заместителями) ближе к ночи посещал кабинет Сталина и, по всей видимости, информировал его о ходе переговоров²¹⁸. Неслучайным представляется и одно из указаний в период планирования заседаний конференции в особняке на Спиридоновке: установить «Кремлевские телефоны в комнатах NN 7 (кабинет Молотова), 29 (кабинет Молотова), 28 (кабинет Подцероб и Погудина), 25 (для секретариата Конференции)»²¹⁹. В случае необходимости оперативная связь с «Верховным» была обеспечена.

Важную роль сыграли личные встречи Сталина с Иденом (21 и 27 октября) и Хэллом (25 октября и на ужине 30 октября). Помимо обсуждения вопросов, непосредственно к Московской конференции не относившихся (северные конвои, британский персонал, место проведения будущей конференции глав правительств и др.), Сталин во время встреч с британским министром иностранных дел давал своего рода сигналы о реакции советского правительства на ход конференции. Если 21 октября «Верховный» был достаточно сдержан — «Дела идут пока хорошо», — то спустя шесть дней он был настроен оптимистичнее: «... Молотов говорит, что надо быть удовлетворенным ходом конференции». На ужине 30 октября Сталин уже совершенно уверенно говорил Хэллу, что «у вас была удачная конференция»²²⁰. Характерной чертой указанных встреч с Иденом было также своеобразное подшучивание Сталина над Молотовым. По всей видимости, «Верховный» хотел продемонстрировать, кто, в конечном счете, определяет действия советского правительства²²¹. «Беседы министра со Сталиным прошли очень хорошо, — докладывал в Лондон первый заместитель Идена А. Кадоган. — Он (Иден. — И. М.) считает, что мы недооценивали

ощущение изоляции, которое до сих пор испытывали русские, и которое лишь еще больше обострялось на фоне их огромных побед. Теперь очевидно, что они изо всех сил стремятся к успеху конференции»²²².

Наиболее значимым по своим долгосрочным последствиям было заявление Сталина, сделанное Хэллу во время ужина 30 октября. Государственный секретарь сообщил его содержание Рузвельту лишь 2 ноября, соблюдая максимальную секретность: одна часть сообщения была зашифрована кодом ВМФ, другая — армейским. Его суть состояла в обещании Сталина о том, что СССР окажет помощь в войне с Японией после нанесения поражения Германии²²³. Хотя эти слова главы советского правительства не соответствовали настроениям, преобладавшим в это время в НКВД, они, безусловно, не были спонтанными. Исследователи отмечают, что уже решение ГКО августа 1943 г. о строительстве железной дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань под руководством НКВД может рассматриваться как важный индикатор в изменении советской позиции²²⁴. В сентябре был замечен и интерес к получению от союзников сведений по Дальнему Востоку. В обмен на предоставление британцам информации, поступившей от агента «Сильвер» (приближенного Субхаса Чандра Боса, главы «Индийской национальной армии»), советские органы хотели получать от Лондона разведанные именно по Дальнему Востоку²²⁵.

К концу конференции даже в деталях дипломатической повседневности было заметно, настолько позиция Москвы по отношению к Японии изменилась. В период ее подготовки проявлялась максимальная осторожность: сотрудники НКВД внимательно следили за тем, чтобы американские и британские представители не оказались поселены в ту же гостиницу, где жили японцы²²⁶. Хотя в ходе переговоров Молотов и говорил о том, что «по секрету», что, «когда наши союзники бьют японцев» советские люди приветствуют это²²⁷, об осмотрительности также не забывали. Когда 27 октября во время антракта на концерте в Центральном доме Красной Армии, куда были приглашены американцы и британцы, генерал Исмей спросил, присутствуют ли в зале японцы, К. Волохов, сотрудник НКВД, прикомандированный к Идену на период визита, ответил, что нет, приглашения им не посылались²²⁸. Однако 30 октября обстановка была уже иной. Сюжет фильма, который высокие гости смотрели после ужина, говорил сам за себя — борьба красных партизан против японцев в Сибири в 1918 г. (был снят в 1938 г. и вызвал тогда протест японского посла). Как отмечал Гарриман, «не предпринималось попыток скрыть цель, стоящую за выбором фильма»²²⁹.

Итоги Московской конференции были расценены как большой успех во всех союзных столицах. В передовице «Правды» от 2 ноября подчеркивалось: «Важной стороной всей Московской конференции является то, что она впервые дала возможность прийти к общим существенным решениям трех ведущим

союзным державам». Рузвельт в послании Черчиллю называл конференцию «подлинным началом британо-русско-американского сотрудничества, которое должно привести к скорому поражению Гитлера»²³⁰. Черчилль также считал, что Московская конференция достигла «больших результатов»²³¹. Вскоре после ее окончания Госдепартамент прислал НКВД специальную подборку мнений и оценок ведущих американских газет и журналов, подавляющая часть которых была положительной. «Результаты Московской конференции превосходят наиболее оптимистичные надежды и должны приветствоваться как великая победа Объединенных Наций, соизмеримая с победой на полях сражений», — писала влиятельная «Нью-Йорк Таймс»²³². Несмотря на критический настрой НКВД в отношении Хэлла («настроен к нам недружелюбно», — отмечалось в характеристике на госсекретаря, составленной до совещания²³³), после конференции отмечалось что влияние Хэлла в Сенате способствовало благоприятной реакции на итоги переговоров²³⁴.

Дело было, однако, не только в достигнутых в Москве конкретных соглашениях, но и в самой атмосфере союзной солидарности, впервые за все время войны столь явно проявившейся во время московского форума. Неслучайно Иден в своем отчете перед парламентом говорил о царившей на конференции «дружеской атмосфере взаимной заинтересованности и взаимного доверия»²³⁵. Самого британского министра по итогам конференции советская сторона буквально задарила. Просьба Идена приобрести несколько банок черной икры и бутылок водки для подарков королю Георгу VI, Черчиллю и некоторым членам парламента обернулась двумя визитами Волохова в посольство. По их итогам он сделал следующую красноречивую запись в служебном дневнике: «Передача подарков Идену 30 октября 1943 г. Сегодня в 9 часов вечера передал личному секретарю Идена Лоуфорд 8 двухкилограммовых банок зернистой икры и 10 поллитровых и 2 литровых бутылки водки и 10 пачек папирос высшего качества и пакет фотографий, отображающих работу московской конференции ... В 1 час ночи передал капитану Болтону 12 кг черной икры и 75 бутылок вина для Идена от тов. Микояна А. И.»²³⁶.

Западные союзники в один голос констатировали на редкость конструктивную позицию советской стороны, сделавшей все возможное для успеха конференции²³⁷. В ее ходе, телеграфировал Иден Черчиллю, «было много признаков того, что члены советского правительства искренне хотят поставить отношения с нами и Соединенными Штатами на почву постоянной дружбы»²³⁸. Керр, как и другие западные участники переговоров, видел главную причину этого нового настроения в том, что «Советы почувствовали, что они впервые свободно допущены в наш интимный круг как равные»²³⁹. Удовлетворение от вхождения на равных в клуб великих держав ощущается даже в сухом циркуляре Молотова для НКВД по итогам

конференции: «Замечания и предложения советской делегации весьма серьезно принимались во внимание. В общем, работу конференции, принимая во внимание поставленную перед ней задачу, общую повестку дня, а также то, что это была первая встреча трех министров, следует считать удовлетворительной»²⁴⁰.

Положительные оценки итогов Московской конференции были вполне оправданы. Конференция, перед началом которой мало кто ожидал позитивных результатов, знаменовала собой углубление сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции. Тот факт, что министрам иностранных дел удалось достигнуть согласованных решений по столь широкому кругу вопросов, говорил о наличии определенного сходства в позициях трех государств и их готовности идти на компромиссы. Принятие на конференции «Декларации четырех» указывало на возможность продолжения сотрудничества СССР, США и Великобритании и после окончания войны. Стремление Молотова ускорить процесс разработки вопросов, связанных с будущим учреждением «всеобщей международной организации», подчеркивало заинтересованность Советского Союза в укреплении своего нового статуса одной из ведущих держав мира. Свое значение имело и решение о создании ЕКК, которое означало продвижение в институционализации сотрудничества антигитлеровской коалиции, создавало механизм трехстороннего обсуждения вопросов, связанных с окончанием военных действий.

Советская дипломатия в ходе Московской конференции действовала весьма успешно. Идя на уступки в одних вопросах (присоединение Китая к «Декларации четырех», смягчение изначальной позиции по второму фронту), в других она жестко отстаивала свои позиции, убедив, прежде всего британскую сторону, пойти на немаловажные уступки (договор с Чехословакией, компетенция ЕКК). Сам трехсторонний формат конференции, наряду с нежеланием Вашингтона создавать у Москвы впечатления англо-американского «заговора», давал советской дипломатии пространство для маневра. Грамотно прощупав пункты разногласий между США и Великобританией, Молотов их умело использовал. Согласие Сталина на последующее вступление СССР в войну с Японией давало серьезный стимул к советско-американскому сближению, при котором Лондону было бы сложнее играть роль «брокера».

Существенную роль в успехе советской делегации на конференции сыграли и факторы организационного порядка: тщательная подготовка к совещанию, проработка различных вариантов аргументации и предложений; взаимодействие с другими ведомствами, в том числе разведывательными органами²⁴¹ и наркоматом внешней торговли; проведение конференции на «домашней площадке», что, среди прочего, позволяло оперативно дорабатывать свою позицию по тем или иным пунктам, обеспечивало общую слаженность действий советской дипломатии.

Подтверждением того значения, которое придавалось успешному завершению Московской конференции, стало и составление уникального в своем роде отчета по ее результатам. Написанный к декабрю 1943 г. членом советской делегации Саксиним, он был крайне обширным и детализированным (на 177 машинописных страницах; в последующем столь подробных отчетов по конференциям того времени не составлялось). Внутренний документ НКВД, содержащий предложение о написании отчета и иных формах систематизации и популяризации результатов конференции, давал характерную мотивировку: «Московская конференция трех держав — крупное событие в жизни НКВД. Всем сотрудникам НКВД нужно всесторонне изучить опыт работы Конференции и по возможности дать предложения по реализации ее решений»²⁴².

Для Молотова успешное завершение Московской конференции, председателем которой он являлся, было и большим личным достижением. В отчете Саксина отмечалось: «После окончания работы Конференции глава американской делегации К. Хэлл, обращаясь к председателю Конференции В. М. Молотову, заявил: „Я уверен, что выражу не только собственное мнение, но и мнение г-на Идена, если скажу, что оба мы в восторге от манеры, с которой Вы проводили работу Конференции...“»²⁴³. «Его положение в качестве второго после Сталина человека стало более явно, чем в мои предыдущие визиты», — писал Гарриман Рузвельту²⁴⁴. Сочетая жесткость в отстаивании советских позиций с умением учитывать мнение партнеров, Молотов произвел сильное личное впечатление на западных участников. «Молотов проводил заседания с неизменным тактом, мастерством и хорошим настроением, — говорилось в британском отчете о конференции. — Его манера вести дискуссию завоевала наше уважение и искреннюю признательность»²⁴⁵.

Разумеется, Московская конференция не разрешила всех противоречий в антигитлеровской коалиции. Хотя американские и британские представители подтвердили решение об открытии второго фронта весной 1944 г., это еще не гарантировало его точного соблюдения. В своих внутренних оценках американцы и особенно — англичане резервировали за собой возможность изменения намеченного срока²⁴⁶. По ряду вопросов на Московской конференции не удалось достичь решения (будущее Германии, Польша, Иран, проблема федераций), некоторые совместные решения (как «Декларация об ответственности гитлеровцев за свершенные преступления») впоследствии вызвали различие в интерпретации при их применении на практике²⁴⁷. Не стало полностью сбалансированным после конференции и взаимодействие в рамках «большой тройки». Несмотря на то, что советской стороне удалось сделать шаг по направлению к равноправному сотрудничеству с США и Великобританией, это отнюдь не означало свертывания особых отношений между Лондоном и Вашингтоном.

В целом же, положительные результаты Московской конференции, безусловно, преобладали. Являясь самой длительной по продолжительности конференцией трех держав в годы войны и весьма сложной по своей повестке дня, она способствовала консолида-

ции государств антигитлеровской коалиции, принесла компромиссные решения по целому ряду дипломатических вопросов, а также в немалой степени подготовила результаты следующей, Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

- ¹ Переписка. Т. 1. С. 141–142; Переписка. Т. 2. С. 76–77.
- ² Concrete No. 85, 10.VIII.1943 // TNA, CAB65/39/10.
- ³ W.M. (43) 114th Conclusion, Conf. Annex, 11.VIII.1943 // Ibid.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Eden — Cadogan (only), 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.
- ⁶ Печатнов В. О. Сталин — Рузвельт — Черчилль: «большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО–Университета. 2009. №5. С. 64.
- ⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. (далее — Московская конференция). М., 1978. С. 39–43, 47–48.
- ⁸ О подобных опасениях, связанных с отправкой Идена в Вашингтон, говорил в свое время посол Великобритании в США лорд Э. Галифакс. См.: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 2.
- ⁹ Eden — Cadogan (only), 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.
- ¹⁰ Схожую точку зрения см. в: Watson D. Molotov and the Moscow Conference, October 1943 // British Association for Slavonic & East European Studies. Conference Paper (Cambridge, April 2002). P. 6.
- ¹¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263.
- ¹² Слова Хэлла Идену в марте 1943 г. См.: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 40.
- ¹³ Московская конференция. С. 37–43.
- ¹⁴ From Quadrant to War Cabinet, 14.IX.1943 // TNA, Premier Office 3/172/1.
- ¹⁵ W.M. (43) 134th Conclusions, 4.X.1943 // TNA, CAB 65/36/2; W.M. (43) 135th Conclusions, Conf. Annex, 5.X.1943 // TNA, CAB 65/40/1.
- ¹⁶ Eden — Cadogan (only), 21.VIII.1943 // TNA, FO 954/2.
- ¹⁷ Московская конференция. С. 40–43, 47–48.
- ¹⁸ Британцам к этому времени проект был уже известен — он был вручен Идену в Квебеке в августе 1943 г. См.: FRUS. 1943. Vol. 1. Washington, 1963. P. 522n25.
- ¹⁹ Sainsbury K. Op. cit. P. 12.
- ²⁰ Московская конференция. С. 43–47. См. подробнее: Смирнова Н. А. Позиция США на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. // Американский ежегодник. М., 1974. С. 141–173.
- ²¹ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 525–528, 531–533, 535–536.
- ²² Московская конференция. С. 48–51.
- ²³ Там же. С. 51. См. также: АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Лл. 1–2.
- ²⁴ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 263. Даже в рамках обсуждения внутри НКВД (в комиссии Литвинова) о Японии предпочитали не говорить. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 238.
- ²⁵ Переписка. Т. 2. С. 96.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 48.
- ²⁷ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 535–536.
- ²⁸ W.P. (43) 434, Foreign Secretaries' Conference at Moscow, Memorandum by Eden, 4.X.1943 (Annex C (ii)) // TNA, CAB 66/41/34.
- ²⁹ Переписка. Т. 2. С. 95.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5–6. П. 42. Д. 44. Лл. 31–35.
- ³¹ В литературе нередко упоминается центральная роль подготовки конференции. В связи с этим ряд зарубежных исследователей даже полагает, что отзыв Литвинова из Вашингтона был связан не с недовольством Сталина действиями американцев, а подчеркивал заинтересованность в компетенции и знаниях бывшего наркома для формулирования послевоенной политики Советского Союза. См.: Roberts G. Litvinov's Lost Peace. P. 35; Watson D. Molotov and the Moscow Conference. P. 4; idem. Molotov: a Biography. Basingstoke, 2005. P. 205. Подобная точка зрения представляется спорной.
- ³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5–6. П. 39. Д. 6. Лл. 50–51.
- ³³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 222–225, 235–236, 670.
- ³⁴ Там же. С. 263–264.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5–6. П. 39. Д. 6. Лл. 4–7.
- ³⁶ См. подробнее: Печатнов В. О. Переписка У. Черчилля с И. В. Сталиным в годы Великой Отечественной Войны: По документам британских архивов // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 105–132.

- ³⁷ АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 32, 36.
- ³⁸ Watson D. Molotov and the Moscow Conference. P. 10. О своей надежде, что конференция принесет «положительные результаты» Керр говорил и послу Китая (Foo Y.W. Op. cit. P. 103).
- ³⁹ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 432.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Лл. 49.
- ⁴¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 275–276.
- ⁴² Там же. С. 315–316.
- ⁴³ Там же. С. 326–327.
- ⁴⁴ Там же. С. 316.
- ⁴⁵ В фонде секретариата Вышинского сохранился любопытный недатированный документ. Он представляет собой согласованную на 1-м заседании (19 октября) повестку дня конференции из 17 пунктов (см.: Московская конференция. С. 253–254). При этом подавляющая часть из них перечеркнута Вышинским (за исключением пунктов №1–4, 10, 15; см.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 1). Хотя конкретный смысл остается не до конца ясным, представляется вероятным, что в этом дополнительно отразилось нежелание Вышинского подробно обсуждать перечеркнутые вопросы.
- ⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Лл. 18–20.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 13.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Лл. 31–35. См. также: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) (далее — На приеме у Сталина) / Науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 421.
- ⁴⁹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 316–317.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Лл. 21–27.
- ⁵¹ Как сообщал Керр Молотову 30 сентября, Иден «устроил все, чтобы отправиться в Москву 2 октября, остановиться по пути в Алжире с тем, чтобы ознакомиться с последними событиями в Италии так, что он смог бы информировать конференцию. 2. Поскольку, однако, насколько г-н Иден осведомлен, еще не было ответа от Маршала Сталина на предложение Президента Рузвельта, чтобы встреча состоялась в Лондоне 15 октября, г-н Иден приостановил все приготовления до тех пор, пока не будет достигнуто решение по этому вопросу». См.: АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 9.
- ⁵² АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 20.
- ⁵³ FRUS. 1943. Vol. I. P. 541–543; Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N.Y., 1948. Vol. 2. P. 1265.
- ⁵⁴ W.M. (43) 135th Conclusions, Conf. Annex, 5.X.1943 // TNA, CAB 65/40/1; W.M. (43) 137th Conclusions, Conf. Annex, 8.X.1943 // Ibid. 65/40/3. Свои завершающие заметки по поводу конференции Черчилль подготовил для Идена 11 октября (TNA, CAB 66/41/47; опубли. в: Churchill W. S. The Second World War. Vol. 5. Boston, 1985. P. 251–252).
- ⁵⁵ FRUS. 1943. Vol. I. P. 547; Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1278.
- ⁵⁶ Hull C. Op. cit. Vol. 2. P. 1256; Sainsbury K. Op. cit. P. 13. Британские представители в Вашингтоне также сомневались в том, что можно заинтересовать СССР в «декларации четырех», не решив вопросов, которые действительно интересовали Москву (западные границы, Германия, обращение с освобожденными странами). См.: Concrete No. 477 (Annex II to: W.P. (43) 389) // TNA, CAB 66/40/39.
- ⁵⁷ From FO to Moscow, 18.X.1943 // TNA, FO 954/3.
- ⁵⁸ From Cairo to FO, 16.X.1943 // Ibid. 371/37030.
- ⁵⁹ К 60-летию Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) // Дипломатический вестник. 2003. №10.
- ⁶⁰ АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 31.
- ⁶¹ Там же. Л. 74.
- ⁶² Там же. Л. 55.
- ⁶³ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 9. Л. 5.
- ⁶⁴ Как отмечал Черчилль в мемуарах, «было смелым шагом для этого ветерана, при его слабом здоровье, предпринять свою первую поездку по воздуху» (Churchill W. S. Op. cit. Vol. 5. P. 212).
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 50. Д. 18. Л. 19.
- ⁶⁶ Там же. Л. 31.
- ⁶⁷ Там же. Л. 15; АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 22, 47–48, 53.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 50. Д. 18. Л. 25.
- ⁶⁹ Там же. Л. 16.
- ⁷⁰ Полный список американской делегации см. в: Московская конференция. С. 63–64.
- ⁷¹ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 563–565.
- ⁷² См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. М., 2002. С. 304–305.
- ⁷³ Watson D. Molotov: a Biography. P. 207.
- ⁷⁴ Так писал сам Молотов в ориентировке советским дипломатическим представителям по результатам конференции. См.: Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 67.
- ⁷⁵ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 55.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 44.

- ⁷⁷ Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Л. 20.
- ⁷⁸ Московская конференция. С. 90.
- ⁷⁹ From Moscow to FO, 20.X.1943 // TNA, FO 371/37030.
- ⁸⁰ From FO to Moscow, 18.X.1943 // Ibid. 954/3. Показательно, что в мемуарах, в которых Черчилль отнюдь не хотел выглядеть убежденным противником «Оверлорда», он исключил данный абзац из цитируемой телеграммы. См.: Churchill W. S. Op. cit. Vol. 5. P. 241.
- ⁸¹ Британский историк Дж. Феррис отметил, что разведка Великобритании и США перед началом «Оверлорда» «не знала количества танков в танковых дивизиях или количества дивизий во Франции». Это было серьезным «техническим просчетом». См.: Ferris J. Intelligence and Overlord: A Snapshot from 6 June 1944 // The Normandy Campaign 1944: Sixty Years On / Ed. by J. Buckley. London, 2006. P. 191.
- ⁸² См., к примеру: The Guy Liddell Diaries: 1942–1945. Vol. 2 / Ed. by N. West. London, 2005. P. 123.
- ⁸³ Московская конференция. С. 215, 308.
- ⁸⁴ FRUS. 1943. Vol. 3. P. 792–798. См. также: Beardsley E. H. Secrets between Friends: Applied Science Exchange between the Western Allies and the Soviet Union during World War II // Social Studies of Science. 1977. Vol. 7. No. 4. P. 447–473.
- ⁸⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 233. Л. 68.
- ⁸⁶ From FO to Moscow, 26.X.1943; From FO to Moscow, 29.X.1943 // W. Churchill Archive, Chartwell Papers (далее—CHAR) 20: Official: Prime Minister, 1940–1945.
- ⁸⁷ Московская конференция. С. 202. См. также: From Moscow to FO, 29.X.1943 // CHAR 20.
- ⁸⁸ Московская конференция. С. 340–348.
- ⁸⁹ Там же. С. 311.
- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 53.
- ⁹¹ Там же. Л. 5.
- ⁹² Московская конференция. С. 123.
- ⁹³ Приведено в: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л. Н. Нежинский, А. В. Игнатьев. М., 1999. С. 458.
- ⁹⁴ Вопрос о мотивах СССР при формулировании предложения о Турции — объект дискуссий. См. различные точки зрения в: Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45: Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. Basingstoke, 2009. P. 132; Гасанлы Дж. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 125.
- ⁹⁵ АВПРФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Лл. 82–83. См. также: Roberts G. Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. No. 1. P. 71.
- ⁹⁶ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 6. К схожему выводу касательно возможных целей Москвы приходит К. Сейнсбери, не имевший доступа к советским архивным документам. См.: Sainsbury K. Op. cit. P. 33.
- ⁹⁷ АВПРФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 7.
- ⁹⁸ W. P. (43) 420, Policy towards Turkey, Memo by Eden, 27.IX.1943 // TNA, CAB 66/41/20. См. также: Sainsbury K. Op. cit. P. 332; Tamkin N. Op. cit. P. 132.
- ⁹⁹ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 644; Московская конференция. С. 303–304.
- ¹⁰⁰ FRUS. Cairo and Tehran. P. 153.
- ¹⁰¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 238.
- ¹⁰² Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 323–324.
- ¹⁰³ Московская конференция. С. 123.
- ¹⁰⁴ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 580–583.
- ¹⁰⁵ Один из ведущих западных исследователей Московской конференции, британский историк К. Сейнсбери, приписывает Сталину далеко идущие цели: обеспечить вступление Швеции в войну, дабы она была оккупирована Германией, и использовать это для советской оккупации Финляндии (Sainsbury K. Op. cit. P. 33). Как демонстрирует архивные материалы, цели СССР были намного более ограниченными.
- ¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 6–7.
- ¹⁰⁷ Московская конференция. С. 104. Рузвельт также полагал, что эти недавние события учитывались советской стороной. См.: FRUS. 1943. Vol. 1. P. 644.
- ¹⁰⁸ Copy of telegram from FO to Washington, 18.XI.1943 (Annex to: C.O.S. (44) 242 (0)) // TNA, CAB 80/81.
- ¹⁰⁹ FRUS. 1943. Vol. 3. P. 24, 683; СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 208.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 235.
- ¹¹¹ Там же. Л. 282.
- ¹¹² Foo Y.W. Op. cit. P. 104–105. Первый вариант Декларации был передан Хэллом китайским представителям еще 20 сентября (Ibid. P. 116).
- ¹¹³ Московская конференция. С. 256.
- ¹¹⁴ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 541.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 542.
- ¹¹⁶ Roll D. L. The Hopkins Touch. Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler. Oxford, 2013. P. 306.

- 117 Тегеран-43: взгляд 60 лет спустя. М., 2004. С. 17.
- 118 Московская конференция. С. 115.
- 119 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 756. См. также: Московская конференция. С. 183.
- 120 Заместитель Идена О. Сарджент еще в сентябре 1943 г. предупреждал, что СССР может воспринять данную статью Декларацию «как направленную против него». См.: Concrete No. 522 (W.P. (43) 389, Annex IV) // TNA, CAB66/40/39.
- 121 Московская конференция. С. 65.
- 122 См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239.
- 123 Там же. С. 285.
- 124 Там же. С. 323.
- 125 АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Лл. 10–12.
- 126 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Лл. 1–3.
- 127 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 318–319.
- 128 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Лл. 214–215.
- 129 Московская конференция. С. 180.
- 130 Там же. С. 290.
- 131 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 67.
- 132 Так Рузвельт отреагировал на британские предложения по вопросу «о соглашениях между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам», поступившие в Вашингтон 5 октября. См.: FRUS. 1943. Vol. 1. P. 544.
- 133 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 51.
- 134 Московская конференция. С. 159. См. подробнее: Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009.
- 135 Слова Е. В. Тарле. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239.
- 136 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 189. Л. 17.
- 137 W.P. (43) 423, Proposed Anglo-Soviet Agreement [...], Memo by Eden, 28.IX.1943 // TNA, CAB 66/41/23.
- 138 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.
- 139 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 178–179, 399, 431.
- 140 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 124.
- 141 Там же. Лл. 124–125.
- 142 Там же. Л. 4.
- 143 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 5.
- 144 Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 369.
- 145 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 4.
- 146 Отчет Идена о нем см. в: The Great Powers and the Polish Question, 1941–45 / Ed. by A. Polonsky. London, 1976. P. 157–158.
- 147 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 56. В более раннем проекте аргумент в пользу того, чтобы не говорить о Михайловиче, был сформулирован еще жестче: «...заявить, что мы считаем вопрос о Михайловиче частным, не имеющим существенного значения, и что мы не интересуемся этим вопросом». См.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 194.
- 148 Московская конференция. С. 143–146, 239–240.
- 149 Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991. С. 160. О наличии радиосвязи между Москвой и Тито знали и в Лондоне. См.: W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15. См. также: Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг. М., 1998. С. 531.
- 150 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 192. Л. 4.
- 151 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 473.
- 152 Там же. С. 363–364; САНУ. Т. 1. С. 456.
- 153 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Лл. 167–169, 185.
- 154 Meszerics T. Undermine, of Bring Them Over: SOE and OSS Plans for Hungary in 1943 // Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 43.No. 2. P. 214.
- 155 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 284.
- 156 Meszerics T. Op. cit. P. 202, 210. В целом о британской политике в Юго-Восточной Европе см.: Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976.
- 157 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 264, 286–287.
- 158 Позицию Стэндли см. в: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 553–554, 572; позицию Керра см. в: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 227.
- 159 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 227. Об этом Сталин лично говорил Идену во время встречи 21 октября. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 281. Л. 7. Данный фрагмент не вошел в опубликованную версию беседы. См.: Московская конференция. С. 123.
- 160 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 77. Д. 38. Л. 1.
- 161 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 432.

- 162 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 21; САНУ. Т. 1. С. 369.
- 163 Hull С. Op. cit. Vol. 2. P. 1285.
- 164 Московская конференция. С. 169.
- 165 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263.
- 166 См. об этом: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. М., 1999. С. 103–105; Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009. С. 70.
- 167 W.P. (43) 218, Austria, Memoby Eden, 25.V.1943 // TNA, CAB 66/37/18.
- 168 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 301.
- 169 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Лл. 1–3.
- 170 Там же. Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 12. Лл. 1–7. Цит. по: Mueller W. Stalin and Austria: New Evidence on Soviet Policy in a Secondary Theatre of the Cold War, 1938–53/55 // Cold War History. 2006. Vol. 6. No. 1. P. 66.
- 171 АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 112.
- 172 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 189. Л. 10.
- 173 W.P. (43) 217, Armistices and Related Problems, Memo by Eden, 25.V.1943 // TNA, CAB/66/37/17.
- 174 W.P. (43) 444, Scope and Functions of the Politico-Military Commission, Memo by Eden, 6.X.1943 // TNA, CAB 66/41/44. Британские предложения по ВПК были сообщены Москве 17 октября.
- 175 W.M. (43) 137th Conclusions, Conf. Annex, 8.X.1943 // TNA, CAB 65/40/3.
- 176 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 276–277.
- 177 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 8.
- 178 САМО. Т. 1. С. 371–372.
- 179 АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 40.
- 180 W.M. (43) 142nd Conclusions, Conf. Annex, 18.X.1943 // TNA, CAB 65/40/5
- 181 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 328.
- 182 АВПРФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 1об.
- 183 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329. См. также: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 36.
- 184 Rothwell V. Anthony Eden: A Political Biography, 1931–57. Manchester, 1992. P. 76.
- 185 Как отмечал Штейн в записке «Вопросы международных союзов и блоков в Европе» (22.IX.1943 г., в 2-х экземплярах), «послевоенная Западная Европа, освобожденная от гитлеровского режима, будет находиться в непосредственной орбите английского влияния». См.: АВПРФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 10.
- 186 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 110.
- 187 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 313–314.
- 188 Этот факт подмечен в: Watson D. Molotov and the Moscow Conference. P. 16.
- 189 Хотя в редакционной комиссии до последнего велись арьергардные бои за название этого органа — советская сторона настаивала на «Военно-политической комиссии», но затем пошла на уступку. См.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 38.
- 190 Московская конференция. С. 322–324.
- 191 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 30–31.
- 192 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 86.
- 193 Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 49.
- 194 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 42. Д. 44. Л. 97.
- 195 См.: Волынский Л. АМГОТ // Война и рабочий класс. 1943 №7; он же. Еще об АМГОТе // Там же. №8. Иден был осведомлен о критике АМГОТа в СССР и жаловался на нее в свое время Майскому. См.: Поздеева Л. В. И. М. Майский и А. Иден // Новая и новейшая история. 2008. №1. С. 181.
- 196 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 4.
- 197 В московском посольстве США отмечали, что весь визит, в ходе которого Нельсон был принят и лично Сталиным (15 октября), прошел в атмосфере «чрезвычайной сердечности и исключительного сотрудничества со стороны советских официальных лиц». См.: FRUS. 1943. Vol. III. P. 715.
- 198 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 19.
- 199 Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 202.
- 200 Там же. Л. 205.
- 201 Там же. Л. 1об.
- 202 Московская конференция. С. 232.
- 203 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 292. Майский, завершивший свои дела в посольстве СССР в Лондоне 14 сентября, прибыл в Москву лишь 23 октября. См. подробнее: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 г. М., 1971. С. 688–689.
- 204 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1385. Л. 37.

- 205 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 25–26.
- 206 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 573–574, 733.
- 207 АВПРФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 92–93.
- 208 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 46–48.
- 209 Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 84–85.
- 210 Там же. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 41. Д. 35. Л. 26.
- 211 Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 84–118.
- 212 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 674–679.
- 213 АВПРФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 18. Д. 148. Л. 167.
- 214 См. подробнее: Там же. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 13.
- 215 Московская конференция. С. 317; FRUS. 1943. Vol. 1. P. 679.
- 216 W. M. (43) 137th Conclusions, 8.X.1943 // TNA, CAB 65/36/5.
- 217 СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 660, прим.62.
- 218 На приеме у Сталина. С. 421–423. См. также: Roberts G. Molotov: Stalin's Cold Warrior. Washington, 2012. P. 68.
- 219 АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 19.
- 220 FRUS. 1943. Vol. 1. P. 685.
- 221 Сокращенные записи бесед Сталина с Иденом см. в: Московская конференция. С. 120–123, 197–209; полный вариант в: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 281; отчеты Идена о встречах в: TNA, FO 954/3.
- 222 From FO to Washington, 29.X.1943 // TNA, FO 371/37030.
- 223 FRUS. Cairo and Tehran. P. 147.
- 224 Hasegawa T. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. Cambridge (Mass.), 2005. P. 24.
- 225 The Guy Liddell Diaries. Vol. 2. P. 122.
- 226 Первых в итоге поселили в «Савой», тогда как японцы проживали в «Метрополе». См.: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 36–37.
- 227 Московская конференция. С. 118.
- 228 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 108. В письме Молотову от 4 ноября Иден оценил работу Волохова весьма высоко: «Я чрезвычайно благодарен Вам и ему за его приятное общество и внимание» (Там же. Л. 113).
- 229 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 690.
- 230 FRUS. Cairo and Tehran. P. 42.
- 231 W. M. (43) 148th Conclusions, 1.XI.1943 // TNA, CAB 65/36/16.
- 232 АВПРФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Л. 101.
- 233 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 115.
- 234 АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 30.
- 235 House of Commons, November 11, 1943. P. 1324.
- 236 АВПРФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 84. Д. 24. Л. 111.
- 237 Положительный отклик Гопкинса см. в: CAMO. Т. 1. С. 394; Гарримана (с нюансами) в: FRUS. 1943. Vol. 3. P. 589; советника Госдепартамента Ч. Болена в: Library of Congress (далее — LOC), W. A. Harriman Papers, Chronological Files, Cont. 170; секретаря Идена О. Харви в: The War Diaries of Oliver Harvey. London, 1978. P. 313; членов британского Кабинета министров в: W. M. (43) 148th Conclusions, 1.XI.1943 // TNA, CAB/65/36/16; W. M. (43) 152nd Conclusions, 10.XI.1943 // Ibid. 65/36/20.
- 238 For Prime Minister from the Secretary of State, 29.X.1943 // CHAR 20.
- 239 From Dominions Office to Canada e.a., 8.XI.1943 // TNA, FO 371/37031.
- 240 АВПРФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 18. Д. 148. Л. 174.
- 241 В распоряжении комиссии Литвинова, к примеру, имелся специальный меморандум американского «мозгового центра» Совета по внешним сношениям (иначе — Совета по международным отношениям) касательно репарационного вопроса, позволивший заранее предвидеть ряд позиций США. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 290–291. Во внутренней документации НКВД этот меморандум относили к разряду секретных документов — он был получен, по всей видимости, по каналам разведки. См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 192.
- 242 Там же. Ф. 0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 73.
- 243 К 60-летию Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) // Дипломатический вестник. 2003. №10.
- 244 FRUS. Cairo and Tehran. P. 65.
- 245 From Moscow to FO, 6.XI.1943 // TNA, FO 371/37031.
- 246 W. M. (43) 147th Conclusions, Conf. Annex, 27.X.1943 // TNA, CAB 65/40/6.
- 247 См. подробнее: Kochavi A. J. The Moscow Declaration, the Kharkov Trial, and the Question of a Policy on Major War Criminals in the Second World War // History. 1991. Vol. 76.No. 248. P. 401–417.